РАССКАЗЫВАЕТ БРИТАНСКИЙ ТАНКИСТ БИЛЛ КЛОУЗ (BILL CLOSE)

Билл Клоуз (Bill Close, 1914-2006) воевал в составе 3-го Королевского Танкового Полка с 1940 по 1945 год. Он участвовал во Французской кампании 1940 года, Греческой кампании 1941 года, в боевых действиях в северной Африке в 1941-1943. В 1944 он высадился в Нормандии и с боями дошел до Балтики…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ – ФРАНЦИЯ – ЕГИПЕТ - ГРЕЦИЯ – ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ

Введение. Падерборн: Время для размышлений

Играли оркестры (марш *My Boy Willie*), королева заняла свое место на трибуне, и все взоры обратились к массивным новым танкам *Челленджер/Challenger*, с ревом проносящимся по подстриженному дерну старого танкового полигона. Место событий: Падерборн/Padeborn, Западная Германия, год: 1985; повод: вручение штандартов Королевскому Танковому Полку.

На парадах бронетехники всегда одно и то же: воображение захватывают машины, а не люди. Зрители видят лишь нечеткие фигуры, стоящие по стойке смирно в люках башен, обычно окутанные сизым дымом от идущей впереди машины. В памяти запечатлевается демонстрация мощи: гигантские пушки и вращающиеся гусеницы.

В тот день я забрался в *Челленджер* и выразил неудовольствие по поводу расположения наводчика относительно казенника, хотя меня заверили, что об отдаче беспокоиться не стоит. Остальное, увиденное мною, выглядело превосходно. С точки зрения боевой эффективности *Челленджер* и первый танк, которым я управлял, различались так же сильно, как лук со стрелами и пулемет[2].

Что касается людей — они были молоды и выглядели безупречно: черные отутюженные комбинезоны, цветные шейные платки указывали на их подразделение (зеленый для 3-го Батальона, синий для 4-го и так далее). Было ясно, что они знают свое дело; они отвечали на вопросы с уверенностью ведущих телешоу. Бовингтон, дом Королевского Танкового Корпуса, хорошо их подготовил.

Однако, в отличие от танков, во внешности танкистов мало что изменилось. У них не выросли лишние головы, чтобы быстрее думать (за них это делают компьютеры), или дополнительные руки, чтобы нажимать на внушительный массив переключателей. Они сохранили ту же форму, что и все мы — две ноги, две руки и обычный набор приложений.

В сержантской столовой 3-го Батальона, куда нас пригласили выпить, один из таких же «реликтов минувших дней», как я, спросил: «Ну, Билл, что ты о них думаешь?». Прежде чем я успел придумать ответ, он предложил свой: «Выглядят славными ребятами...». Произошел короткий негласный спор. Мы оба задавались вопросом, как эти «славные ребята» выдержали бы сравнение с другими сержантскими коллективами, которые мы знали. Как бы они вписались в наши примитивные крейсерские танки и справились бы с их врожденными слабостями? Как бы они повели себя, когда корпус танка начинал светиться тускло-красным от ударов болванок, пролетевших слишком большое расстояние, чтобы пробить броню?

На первые два вопроса ответ был ясен: они бы справились. Что касается последнего вопроса — это то, что узнаешь наверняка только в день боя. Можно проверить машину

другими машинами, испытать ее на износ, но с солдатами так не получится. Это делает за вас враг.

Где-то у канала *Дортмунд-Эмс/Dortmund-Ems* за три недели до конца войны один решительный, но зомбированный немецкий солдат поднялся из своего окопа, вскинул на плечо *панцерфауст* и выстрелил в борт моего *Комета/Comet*. Раздался оглушительный взрыв, сердце подпрыгнуло, и я, потрясенный и злой, выбрался по корпусу наружу сквозь густые облака вонючего дыма. Напряжение, копившееся в башнях эскадрона, мгновенно вылилось в шквал огня из пулеметов.

Немец попытался сдаться после того, как «выполнил долг перед *Фюрером*», но он просчитался. В *Пустыне* были времена, когда действовал дух «живи сам и давай жить другим», когда считалось дурным тоном расстреливать экипаж, покинувший подбитый танк. Как только [вражеский] танк выводился из строя, честь считалась удовлетворенной. Если кому-то повезло выбраться из горящей или разбитой громадины — удачи ему. 21-я и 15-я немецкие танковые дивизии, а также итальянская бронетанковая дивизия *Ariete* какое-то время придерживались этого кодекса рыцарства. Но к тому времени, когда мы достигли берегов канала *Дортмунд-Эмс*, «полуспортивное» отношение, характерное для кампаний в *Пустыне*, исчезло. Тот неизвестный герой с гранатометом имел дело с людьми, полными тревоги и беспокойства…

К апрелю 1945 года в 3-м Батальоне не было добровольцев, желавших оказаться среди танкистов головной машины, головного взвода или головного эскадрона. Был человек на передовой пять лет или пять недель, не имело значения, — всё, чего он хотел, это благополучно пережить последние дни затянувшегося и кровавого конфликта. Победа была бы победой для солдата только в том случае, если бы он выжил. Тогда он мог бы вернуться домой, показывать свои шрамы, носить медали и стареть. В противном случае усилия были бы напрасными…

На заключительных этапах кампании в северо-западной Европе приходилось проводить тщательную ротацию подразделений, чтобы каждый по очереди становился на острие атаки. Сопротивление таяло, но оно было непредсказуемым, и мы знали: именно головной танк или взвод пострадает, если мы наткнемся на отряд непримиримых нацистов. Отсюда и мой приказ: не давать никаких шансов гранатометчикам. Если кто-то и выживет под градом пуль, он несомненно передаст это предупреждение своим друзьям.

В тот день на канале мой экипаж выбрался из обломков невредимым. Так было не всегда. Для меня это был одиннадцатый раз, когда меня «выбивали» из танка. Этот рассказ — личные воспоминания, основанные на моем опыте командира танка и бойца 3-го Королевского Танкового Полка (*КТП - Билл Клоуз традиционно именует свой батальон полком, как и другие батальоны, бок о бок с которыми ему приходилось воевать – ВК)*) на протяжении всей войны. Основные события основаны на фактах. Если порой детали расходятся с официальными военными историями, то лишь потому, что с годами память немного тускнеет. Чтобы придать рассказу жизненность и перспективу, необходимо немного отвлечься и кратко изложить мою биографию и перемещения до начала этих приключений.

1933: Я записываюсь в армию

«Знаешь, Уилл, я не думаю, что из тебя выйдет толк в качестве аптекаря или дантиста», — сказал мистер Бэйли, который совмещал обе эти профессии в маленьком рыночном городке Аппингем/Uppingham, где мы жили. Он разглядывал обломки кресла. Казалось, его не заботил застекленный потолок, сквозь который я провалился (потолок в его стоматологическом кабинете), его беспокоило кресло. Оно было совершенно новым, его гордостью и радостью — с регулируемым подголовником: нажми здесь, чтобы поднять, надави там, чтобы опустить, вращается с легкостью.

«Кто бы мог подумать, что оно так легко сломается».

«Полагаю, никто, Уилл».

Он был славным человеком. Он платил мне четырнадцать шиллингов в неделю и давал выходной для занятий математикой — частные уроки, которые он также оплачивал. Мистер Бэйли проявил понимание и в случае с новым велосипедом для доставки, но тот было легче починить. Когда спустя некоторое время после инцидента с креслом я сказал ему, что записался в армию, он ответил, что это, вероятно, к лучшему.

«В 11-м Гусарском вакансий нет, парень», — отрезал сержант в вербовочном пункте в Стэмфорде/Stamford.

«А как насчет 9-го Уланского?».

«Набор закончен...» — Он на минуту задумался. — «Вот что. Почему бы тебе не записаться в Королевский Танковый Корпус? Им нужны смышленые ребята».

Я мало что знал о Танковом Корпусе, но все равно согласился. Вербовщики провели короткий тест по английскому и математике, я расписался в ведомости, получил «королевский шиллинг» и ушел с предписанием явиться в лагерь Бовингтон/Bovington в Дорсете/Dorset. Когда я рассказал родителям об этом, сомнения возникли только у матери. Мой отец, который изо всех сил пытался заработать на жизнь в пабе, где у него была доля в бизнесе, согласился с мистером Бэйли — вероятно, это было хорошей идеей. *Великая Депрессия* была в самом разгаре, и постоянную работу было трудно найти.

Билл Клоуз (крайний слева) с товарищами по службе. 1930-е годы

Я не думаю, что хоть один из тридцати четырех других новобранцев в Отряде *386* когда-либо слышал об Аппингеме или даже о графстве Ратленд/Rutland. Большинство из них были англичанами, но было также пять шотландцев, четверо валлийцев и трое ирландцев. Джок Пенникуик (Jock Penniquick), чья койка стояла рядом с моей в казарме, мог бы с тем же успехом оказаться и китайцем. Он был из Глазго, и за все время нашего обучения я не понял ни единого слова из того, что он говорил. Пэдди Дэйвис (Paddy Davis), с другой стороны, беспокоил меня тем, что доверительно сообщил следующее: он пошел в армию только для того, чтобы в кратчайшие сроки научиться обращаться с оружием. Он был членом *Шинн Фейн* (что бы это ни значило) и собирался вступить в *ИРА*. Я верил ему лишь наполовину, но через двенадцать недель он дезертировал, а много позже я слышал, что он и его братья были убиты при совершении какой-то террористической акции.

Казарменная жизнь в те дни была довольно мерзкой: никакого личного пространства и скверная еда. Отряд занимал два соединенных друг с другом домика, и те, кто служил в

нем, проводили большую часть времени в драках друг с другом; я был рад тому, что был физически крепким и умел работать кулаками.

После трех месяцев начальной подготовки нам дали увольнительную на выходные, чтобы съездить домой. Мы щеголяли в безупречном хаки, с сияющими пуговицами, белоснежными ремнями, идеальными обмотками и ботинками, которые часами полировали зубной щеткой до зеркального блеска. Это солдатское великолепие венчал черный берет с кокардой корпуса, на которой были изображены танк времен Первой мировой войны в лавровом венке и девиз *Fear Naught/Ничего не бойся*. Сержант Лемон (Lemon), известный как «белобрысый ублюдок из Бовингтона», и его помощник, капрал Фицпатрик (Fitzpatrick), по крайней мере, сделали нас похожими на солдат. Что касается того, чтобы «ничего не бояться» — к своим учителям мы точно испытывали здоровый страх. Это были муштра и еще раз муштра, чистка и полировка, полировка и чистка, пока столешницы не становились белее белого.

После короткого отпуска мы снова приступили к строевой подготовке, проводя каждое утро в маршировках по плацу, но уже следуя сигналам флажков, а не выкрикиваемым командам. Именно так в то время осуществлялась связь танков друг с другом, и, если рации и существовали, мы их точно не видели. После полудня мы учились водить танки *Виккерс/Vickers I* и *II* по песчаным пустошам Дорсета. Эти удобные маленькие машины выпускались в начале 1920-х годов и весили от двенадцати до четырнадцати тонн. С экипажем из пяти человек они могли развивать скорость восемнадцать миль в час и имели на вооружении трехфунтовую пушку и до шести пулеметов. В течение нескольких недель мы обстреливали из пушек и пулеметов (калибра .303) склоны холмов в лагере *Lulworth* на побережье, неподалеку от Бовингтона.

В погожие летние дни я предавался размышлениям о возможных приключениях на северо-западной границе, где находились эскадроны бронеавтомобилей. Мысль о какой-нибудь новой войне мне тогда и в голову не приходила. Другие романтические идеи навевал хрупкий силуэт на мощном мотоцикле, который носился по узким тропинкам: Это был Т. Э. Лоуренс — Лоуренс Аравийский — личность загадочная и пленяющая воображение. Нам было невдомек, почему человек, получивший звание подполковника и ставший национальным героем, захотел вступить в Танковый Корпус простым рядовым или в Королевские ВВС авиамехаником? Зачем ему понадобилось прятаться в коттедже за зарослями рододендронов на Клаудс-Хилл, мимо которого мы регулярно проходили? Он, казалось, вел одинокое и скрытное существование, и я не помню, чтобы кто-то — уж точно никто из моих знакомых — когда-либо перемолвился с ним хоть словом. Известие о его гибели стало настоящим шоком — на дороге, ведущей к лагерю, он резко свернул, чтобы избежать столкновения с детьми, и, как говорили, разбился.

Мое назначение в 3-й Батальон Королевского Танкового Корпуса в начале 1934 года (дислоцированный в Лидде/Lydd, графство Кент) было долгожданным и принесло облегчение после суровой подготовки в лагере Бовингтон. Это также стало началом моих отношений с этим подразделением, которые продлятся всю Вторую Мировую войну. Эпизоды, о которых я расскажу — это лишь некоторые из многих историй, которое можно было поведать о *3-м Танковом* и о танкистах, которые сражались и погибали во время Второй Мировой войны. Это история тех, кто сражался в Кале/Calais, на пляжах Нормандии, в Африке с 1941 по 1943 год, в Греции и Италии.

Фордингбридж

Все закрутилось, когда мы сидели в гостиной отеля *George* в Фордингбридже/Fordingbridge, наблюдая, как утки скользят по поверхности реки Эйвон в Хэмпшире. Вечер был прохладным и пасмурным. В дверях показался полковой полицейский и объявил: «Всему личному составу 3-го Батальона немедленно вернуться в лагерь». Нас было полдюжины — сержанты с женами — и мы не были совсем уж удивлены. Несколькими днями ранее наши танки погрузили на платформы и вместе со всем тяжелым снаряжением отправили в порт для погрузки на пароход. Батальон должен был присоединиться к 1-й Танковой Дивизии, собиравшейся «где-то во Франции», фактически к югу от Соммы. Больше недели Би-Би-Си

сообщала о растущей неразберихе и ожесточенных боях по ту сторону Ла-Манша, и мы ждали вызова.

Поразительной новостью стало то, что мы выступаем в 22:00. Было уже восемь вечера 21 мая. Никакого предварительного уведомления не поступило, и люди из батальона были разбросаны по всей округе. Сообщения пришлось выводить на экраны кинотеатров в Рингвуде/Ringwood и Солсбери/Salisbury; прочесывались кафе и пабы. Командир полка примчался из Борнмута/Bornemouth, куда повез жену на ужин. Была полночь, когда переполненный поезд тронулся с маленькой сельской станции, при этом некоторые люди все еще отсутствовали. Многие жены, включая мою — мы с Джози были женаты всего шесть месяцев, — жили на квартирах в Фордингбридже и пришли нас проводить. Было пролито немного слез, но большинство женщин держались мужественно.

Мы были озадачены тем, что поезд с затемненными окнами шел и шел через сельскую местность: мы-то ожидали довольно быстрой поездки в Саутгемптон. На следующее утро мы катились мимо засеянных хмелем полей и вскоре прибыли в Дувр. Судна *City of Christchurch*, перевозившего наши танки, нигде не было видно. Чей-то дерзкий голос выкрикнул: «Гляньте на *Реджи* — он не выглядит очень уж счастливым!». *Реджи* — подполковник Реджиналд Келлер (Reginald Keller, 1894-1986, до войны – известный первоклассный крикетист) - был нашим командиром, принявшим командование в октябре 1939 года. Командир выглядел еще мрачнее, когда вернулся со стопкой конвертов. Ничего не понимая, мы поднялись на борт парохода *Maid of Orleans*, принадлежавшего компании *Southern Railways* и курсировавшего через пролив. Мы были рады, что нам не пришлось тащить с собой наши вещмешки, которые грузили отдельно. До самого момента отплытия в 11 утра к судну по причалу спешили запыхавшиеся фигуры — те, кто добирался до порта самостоятельно. Они забирались на борт под издевательские выкрики приятелей, у которых было лишь одно мнение о причинах опоздания на поезд.

До этого момента всё казалось забавой. Мы заполнили салоны, коридоры и палубы, дико гадая, куда направляемся. Рота саперов и лондонцы из Территориальной Армии, находившиеся на другом судне, тоже ничего не знали. «Мы должны быть мотоциклистами, — сказал нам сержант из Полка Стрелков Королевы Виктории/Queen Victoria's Rifles Regiment, — но нам пришлось оставить свои машины». Как и мы, они были вооружены лишь револьверами. Мы ответили, что понятия не имеем, где наши танки, и все дружно посмеялись. Общее мнение сводилось к тому, что армия, как обычно, переусердствовала, и когда мы прибудем на место, то будем сидеть там днями, гадая, к чему была вся эта спешка. Наше мышление все еще определялось историями о Великой [Первой Мировой] войне: иногда побеждали немцы, иногда британцы и французы, но в итоге все как-то устроилось [в нашу пользу]. Теперь, когда *Странная война* закончилась, все только начиналось.

Прозвучали свистки. «Так, собраться в круг». Мы более-менее распределились по эскадронам, и нам объявили пункт назначения: это будет Кале. «Наши танки будут доставлены туда, и вы немедленно подготовите их к бою. Легкие бронетанковые силы противника прорвались где-то на севере, мы их найдем и разберемся с ними». Таким образом, никакого периода подготовки «в тылу» не предвиделось. Разговоры о присоединении к 1-й Танковой Дивизии прекратились. «А я-то думал, это прогулочный пароход», — съязвил *Соккер* Хит (*Socker* Heath), сержант взвода, который когда-то вырубил четверых за один вечер на армейском чемпионате по боксу.

Пока мы медленно шли в густом тумане, мы спорили о том, что будем делать, если судно с нашими танками будет потоплено до того, как достигнет Кале. Нам нечем будет сражаться. *Табби* Бэллард (*Tubby* Ballard) заметил, что если *Maid* пойдет ко дну, то некому будет водить танки, даже если они прибудут. У меня были дружеские отношения с Табби: он был родом из Нортгемптоншира и был одним из немногих, кто слышал о моем родном графстве Ратленд. Ранее в том же году мы вместе стояли на постое в одной милой семье в Хитчине/Hitchin.

Маленький конвой полз вперед. Глухие удары сотрясали пелену тумана. Когда он рассеялся, очертания сопровождавших нас эсминцев стали четче, и мы увидели берег. Люди на набережных махали нам руками. Кто-то, кто бывал здесь на экскурсии, узнал башню с часами на ратуше Кале. Над доками поднимался темный дым. К моменту нашей швартовки вокруг портового вокзала упало лишь несколько бомб, но почти каждое окно было выбито. Британские и французские солдаты и докеры бесцельно бродили, хрустя битым стеклом. «Оставайтесь на местах», — сказали нам.

Мы чувствовали себя лишними. Нам даже не выдали удостоверения личности *Британского Экспедиционного Корпуса*. Пошли слухи, что «пятая колонна», переодетая в союзную форму, ведет снайперский огонь в городе. Жандармы могли застрелить любого без удостоверения личности. Не желая быть застреленными, мы выстроились вдоль поручней и наблюдали, как командир полка на причале ведет жаркий спор с британским офицером, который прибыл на машине, полной багажа, явно направляясь в Дувр. Командир приказал кому-то сбросить эти вещи на землю, забрал автомобиль и уехал. Нас пустили на берег только тогда, когда он появился снова, кипя от ярости из-за того, что ему отказали во входе на французский командный пункт. Ему пришлось искать британский штаб, созданный административным персоналом порта. Пробираясь между грудами пищевых рационов и припасов, мы направились к дюнам за Морским вокзалом (Gare Maritime) и уселись там. *Стрелки Королевы Виктории*, раздобывшие пулеметы *Брен/Bren* и противотанковые ружья, замаршировали в сторону города. Взвыли сирены, и мы увидели черные разрывы вокруг высоко летящих бомбардировщиков. Зенитный огонь стих, когда появились два истребителя, и один из вражеских самолетов рухнул в море, подняв огромный столб воды. «Так этому гаду и надо за то, что вытащил нас из паба до закрытия», — сказал Соккер.

Мы оставались заинтересованными зрителями до 16.00, когда пришвартовалось *City of Christchurch*: оно представляло из себя странное зрелище, так как его палубы были завалены деревянными ящиками. «Боеприпасы?». Моряк просветил нас: «Нет, бензин!» - «Не может быть.» - «Они забиты четырехгалонными канистрами, приятель». А в трюмах внизу находились наши боевые машины. «По крайней мере, наши должны выгрузить первыми, — сказал Билли Барлоу (Billy Barlow), — их грузили последними».

Билли был водителем моей разведывательной машины. Разведвзвод имел десять бронеавтомобилей *Даймлер Динго/Daimler Dingo* и находился под командованием лейтенанта Моргана (Morgan). Я был его взводным сержантом. *Динго* был одной из немногих находившихся в нашем распоряжении во время войны машин, которая идеально подходила для своей работы. Высотой менее пяти футов, она могла развивать скорость 55 миль в час как вперед, так и назад. Экипаж состоял из двух человек, вооружение — один легкий пулемет *Брен*. Командир вел наблюдение из открытой кабины, а номер второй — в моем случае Билли — вел машину. Билли знал весь батальон, потому что его семья держала закусочную *фиш-энд-чипс/fish and chips* в Лидде, когда мы стояли там в конце 1930-х. Хотя он был призван как ополченец (Militiaman) еще до войны, ему удалось добиться перевода к нам.

Первые тревожные подозрения, что что-то серьезно идет не так, возникли, когда опустился вечерний туман. Ящики с канистрами бензина все еще громоздились на палубах *City of Christchurch*. Французские докеры, которые и так работали на износ несколько дней и были крайне утомлены, естественно, не хотели сгореть заживо. Каждый раз, когда выли сирены, они бросались в убежища. Экипаж *Maid* тоже не испытывал оптимизма относительно своих перспектив, и был выставлен вооруженный караул, чтобы никто из них не сбежал. Хуже того, электричество к портовым кранам подавалось с перебоями, и в конце концов пришлось использовать судовые грузовые стрелы. Саперное подразделение, прибывшее с нами, творило чудеса, но, несмотря на помощь наших танкистов, разгрузка шла черепашьими темпами.

Получив возможность попасть в трюмы, танкисты бросились искать свои машины. Хотя в Фордингбридже были приняты большие меры по подготовке танков к транспортировке согласно правилам — например, стволы пулеметов были обильно смазаны защитным

минеральным маслом, — *City of Christchurch* загрузили в Саутгемптоне как попало. Самые тяжелые танки — тридцать крейсерских — оказались на самом дне, легкие танки палубой выше, а разведывательные машины — наверху. Боеприпасы, запчасти и радиотехника распихали по всем углам для балансировки судна. Освещение в трюмах было слабым, и ситуацию не улучшило обнаружение того, что в некоторых крейсерских танках, только что прибывших с заводов, не работало внутреннее освещение. Остро не хватало ветоши, необходимой для очистки от смазки. Стоны недовольства раздались, когда прошел слух, что большинство патронов калибра .5 для легких танков упакованы россыпью. Пулеметные патроны должны плотно сидеть в лентах, и для их заправки используется механическое устройство. Такого устройства на судне не было.

Не имея возможности даже выкурить сигарету из-за риска пожара, небольшие группы работали молча в полутьме. Почти весь шум исходил от судовых генераторов и людей у грузовых стрел. *City of Christchurch* не было паромом с горизонтальной выгрузкой: пока танки не подняли через люки и не разместили на берегу, они были просто грудой металлолома. Выгрузка машин началась в предутренние часы. Никто не спал. Я провел большую часть времени, изучая карту — одну из тех, что командир раздобыл в Дувре. Думаю, полковник Келлер бывал в Кале во время *Великой войны*, но для остальных это была неизведанная территория. Земля на севере была плоской, а дорога на юг пересекала гряду по пути в Булонь. Расположение позиций противника было неизвестным. Разведвзводу было приказано найти их, как только станет светлее.

Мы разделились на две группы по пять машин. Мой командир взвода повел одну группу вдоль побережья в сторону Гравелина/Gravelines и Дюнкерка/Dunkerque. Я отправился еще с одной в южном направлении, чтобы обследовать район вокруг Гина/Guines. Когда мы покидали батальон, люди сидели в дюнах, мучительно загоняя патроны в пулеметные ленты, натирая мозоли и ломая ногти. Другие проклинали плохо подогнанные стволы пулеметов.

Утро снова было прохладным и туманным. Мы впервые увидели Кале вблизи, проезжая по улицам, застроенным домами из красного кирпича, в которых пекари открывали свои лавки. Дальше мы увидели первых беженцев: некоторые из них встали лагерем прямо у дороги, другие направлялись к городу. Мы видели много кадров кинохроники о Гражданской войне в Испании, но изможденные лица и безумное разнообразие транспортных средств — грузовики, детские коляски, тачки и велосипеды, доверху забитые домашним скарбом, — все равно стали шоком. Мимо иногда проходили французские солдаты, что-то выкрикивая, но мы не могли остановиться, чтобы выяснить, о чем идет речь, и все равно не поняли бы их. Высоко в небе летели вражеские самолеты, и толпа ускоряла шаг. Часть пути мы ехали вдоль канала, и в нескольких милях от города поток беженцев поредел. С некоторым облегчением я заметил первую организованную воинскую часть — ее машины были спрятаны под деревьями у дороги. Солдаты ели. У некоторых в руках были котелки. Я подал отделению сигнал остановиться и поднял бинокль. «О Господи, Билли, это немцы! Я вижу черные кресты на танках». Вспышка, грохот, и что-то с шумом пронеслось над головой. Еще вспышка, грохот, свист и глухой удар где-то позади. Я до этого стоял — и тут быстро сел. Враг расставил противотанковые пушки, чтобы прикрывать дорогу во время завтрака. «Убираемся отсюда. Живо!».

Пули щелкали по булыжникам, подчеркивая, что люди целились в людей. Я подумал: «Боже мой, это меня они пытаются убить — меня!». Это не было похоже на случайную бомбежку, где тебе могло просто не повезти. Это было действие с явным убийственным намерением. Кто-то следил за нашим приближением, прицелился, поймал нас в перекрестие и нажал на спуск. Билли сохранял невозмутимость. Он хладнокровно и расчетливо сдал назад, пока мы не оказались под прямым углом к канаве, идущей вдоль дороги, а затем мы перевалили через нее и выехали на поле с наполовину взошедшими посевами. Два *Динго*, шедшие сразу за нами, делали то же самое, но перевернулись — то ли в них попали, то ли они вошли в канаву под слишком острым углом. Они лежали там, вращая колесами. Никто из них не выбрался. Из остальных машин я не видел ни одной. Страх сменился озлоблением. У нас не было рации, и наша задача была вернуться как можно быстрее и доложить об увиденном. А потом мы им покажем. «Пошел, Билли!». Мы неслись по полю, земля летела

во все стороны вокруг нас: у немцев не было проблем с боеприпасами для пулеметов. Неглубокая лощина дала нам укрытие, и мы помчались по ней. Все искали «легкие бронетанковые силы». Я полагал, что мы их нашли. Но «легкие»...?.

Командир полка выказал явное раздражение, когда я сделал доклад, будто я лично был ответственен за потерю двух, а возможно, и четырех «его» разведывательных машин. Хуже того, не было никаких вестей об остальной части разведвзвода под командованием лейтенанта Моргана. Мне приказали ждать, и я припарковался у штаба. Полковой сержант-майор Стэннард (Stannard) сказал мне, что полковник имеет полное право нервничать, так как он получает ворох противоречивых приказов. Предыдущим вечером его перехватил генерал-адъютант экспедиционных сил, который заехал в Кале по пути в Дувр и сказал, что его первым приоритетом должен быть прорыв на помощь Булони/Boulogne, как только танки окажутся на берегу. Позже прибыл штабной офицер с приказом двигаться в совершенно другом направлении — в Сент-Омер/Saint-Omer, где основной штаб экспедиционных сил вот-вот должен был попасть в окружение. Туда даже успели отправить несколько легких танков. Однако генерал-адъютант, видимо, имел больший вес, потому что, когда батальон наконец развернулся для боя, это было в Кокеле/Coquelles по дороге на Булонь. Грузовики эшелона *B* с нашими припасами и снаряжением въехали в муниципальные сады в центре города.

В начале второй половины дня мы двинулись к Булони, мне было приказано держаться позади штабных танков на случай, если я понадоблюсь. Снова мы ехали сквозь толпы беженцев. Через полчаса головные части свернули с дороги, чтобы проверить подозрительные машины у леса. Один из наших взводных командиров подобрался на расстояние пистолетного выстрела, прежде чем вражеские танки были опознаны. Мне стало легче, когда я увидел наши *Крейсеры/Cruiser* в деле. В основном это были *A13* — выглядевшие высокомобильными танки с четырьмя большими катками на каждой стороне и двухфунтовой пушкой в качестве основного вооружения. На твердом грунте на них можно было развить скорость до 40 миль в час. Долгие дни, проведенные на стрельбищах побережья Дорсета, окупились, и вскоре полдюжины немецких танков уже пылали. Броня *A13* толщиной до 30 мм, казалось, держала вражеские снаряды.

Картина изменилась только тогда, когда в дело вступили немецкие полевые орудия. *Панцеры* подползали ближе, и наши эскадроны начали нести потери. Загорелся один из *A10* — уродливых махин с коробчатыми башнями и 3.7-дюймовой мортирой вместо двухфунтовки, у другого крейсерского танка сорвало гусеницу; пушка на танке *A13* нашего полковника была разбита в щепки. Мы отошли за гребень холма и в сумерках заняли позицию у небольшого леса. Немецкие бомбардировщики пролетали над головой, но игнорировали нас, сбрасывая свой груз на Кале, где дым становился все гуще.

Около 20.00 со стороны города появилась штабная машина, на фуражке сидевшего в ней высокопоставленного офицера была отчетливо видна красная полоса. Офицер долго беседовал с полковником, и когда он уехал, адъютант, капитан Мосс (Moss), подошел и сказал, что моя машина передана в распоряжение бригадного генерала Николсона (Claude Nicholson, 1898-1943), присланного из Англии для общего командования в Кале. Он прибыл в этот день, но, когда он попытался вызвать полковника по рации, ему велели убираться из эфира, так как командир «пытается вести чертов бой». Полковник тогда не знал, с кем говорит.

Мы последовали за машиной бригадного генерала обратно в Кале. Когда мы тронулись, Билли кивнул в сторону трех свертков, накрытых брезентом. Из-под них торчали сапоги. «Кто это?». Я не мог сказать. Раз они из танковых экипажей, мы наверняка их знали: почти все они служили в Лидде. «Что с ними будет?». Я не был уверен. Мы никогда не практиковались в захоронении мертвых на учениях на равнине Солсбери.

Кале: символическое сопротивление

Бригадный генерал Николсон был высоким, стройным, спокойным в общении офицером, который сразу внушал доверие. До войны он командовал Полком Лансеров 16/5, а весной 1940 года возглавил 30-ю Пехотную Бригаду. Они рассчитывали стать моторизованным

формированием в составе 1-й Танковой Дивизии, но, как и нас, их перенаправили. До того момента, как бригадный генерал появился в фуражке с красным околышем на дороге в Булонь, я его ни разу не видел. Вместе с ним из Восточной Англии были спешно переброшены два кадровых батальона: 1-й Батальон Стрелковой Бригады/Rifle Brigade и 1-й Батальон Стрелкового Корпуса Короля/King's Rifle Corps.

Штаб бригады разместился на бульваре Леона Гамбетты в подвалах большого особняка — до войны там была клиника, — который использовал предыдущий британский старший офицер. Также имелась штабное отделение на Морском вокзале, где у флота была линия связи с Англией. Моя задача была проста: припарковать *Динго* у штаба и ждать приказов. Той ночью я проехал небольшое расстояние до нашего эшелона *B* в парке, где оставил Билли и заправился. Вид на парк Сен-Пьер/Saint-Pierre, находившийся напротив ратуши, не поднимал настроение. Грузовики стояли вплотную к стенам для защиты от взрывов и осколков, а водители и экипажи подбитых танков пытались спать в щелях, вырытых прямо в цветочных клумбах. Было очень холодно. Парк служил хорошим местом сбора, но был очевидной целью, и за день немецкие артиллеристы пристрелялись к нему. В теплицах были выбиты все стекла, повсюду лежал привычный ковер из осколков и разбитых цветочных горшков. Музыкальная эстрада этим летом уже вряд ли кому-то пригодилась бы. Билли и бровью не повел при виде этого зрелища, отправившись на поиски пары кружек чая. «До встречи, сержант. Увидимся позже», — только и сказал он, когда я уезжал.

На Морском вокзале тем временем что-то затевалось. Формировалась колонна десятитонников для броска по дороге в Дюнкерк, чтобы доставить британским войскам часть продовольствия из груд, скопившихся на причалах. Возглавить её должны были полдюжины танков из эскадрона *B* под командованием майора Ривза (Reeves), а следом шла рота Стрелковой Бригады на бронетранспортерах с *Бренами* и грузовиках. Бригадный генерал хотел лично их проводить, и я отвез его к месту старта. Боевая Группа *Dunkirk or Bust/Дюнкерк или Смерть* уехала недалеко — они наткнулись на противотанковые пушки и полевую артиллерию, и после ожесточенной перестрелки вся затея была отменена. К тому времени я уже отвез бригадного генерала обратно в штаб и снова сидел в *Динго*. Я сам видел вражеские танки к востоку и югу от города и понимал, что мы окружены, вероятно, целой танковой дивизией.

Кале в руинах, 1940…

Весь следующий день, пока шум боя то нарастал, то затихал, а наши войска отходили на более короткую линию обороны, бригадный генерал Николсон использовал *Динго* как такси или посылал на нем офицеров для связи с частями. Одинокий мотоциклист-связной следовал за нами по улицам, заваленным каменными обломками. Немецкие бомбардировщики, казалось, избегали самого города, затянутого темными облаками дыма от пылающих топливных складов. В воздухе летала жирная черная гарь. В Кале, за сотни лет войн между англичанами и французами, было построено много укреплений. В основном это были казармы, встроенные в облицованные камнем земляные валы. Эти бастионы имели порядковые номера, но уже не были соединены между собой, как в прошлом: через оборонительный периметр проложили дороги и железные дороги. Краеугольным камнем обороны оставалась *Цитадель/Citadel*, построенная около 250 лет назад Вобаном, знаменитым военным инженером. По размеру она была примерно с первоклассное футбольное поле, окруженное валами и рвом, частично заполненным водой. Французский штаб находился в *Цитадели*, которая казалась неуязвимой для самых тяжелых бомб и снарядов. Визитеры имели больше шансов пасть жертвой нервных часовых на разводном мосту (так во одном месте и случилось), поэтому наш не знающий страха связной приближался к этому месту с величайшей осторожностью.

Мы с ним стояли, ожидая у *Динго*, и сходились во мнении, что застроенная территория, изрезанная каналами и железнодорожными путями — не лучшее место для батальона быстрых крейсерских танков и бригады моторизованной пехоты. В военном министерстве, должно быть, совершили ужасную ошибку (мы всегда во всем винили военное министерство). Как только они поймут, что натворили, нас заберут тем же путем, что мы прибыли — по морю. Нас подбодрила новость о том, что эшелону *B* 3-го КТП приказали покинуть парк и выдвинуться к Морскому вокзалу для погрузки на корабли, уходившие в Англию. Водители сталкивали грузовики с причалов в воду, чтобы они не достались врагу. Был освобожден переполненный санитарный поезд, и раненых перенесли на борт парохода *Kohistan*. Те, кто умер в пути, остались лежать на платформе, накрытые одеялами. Бригадный генерал Николсон теперь в основном работал с Морского вокзала, что имело смысл, если мы собирались уходить.

Для меня, окрыленного этими надеждами, 24-е число прошло быстро. Однако в ранние часы следующего утра меня разбудили и сказали, что штаб переезжает в *Цитадель*. Когда мы ехали сквозь заваленные каменными обломками улицы, шел сильный обстрел, над дорогами провисали провода. В *Цитадели* я пробыл недолго. После того как я совершил пару поездок, бригадир генерал сказал просто: «Не думаю, что ты сможешь сделать здесь что-то еще, сержант. Если хочешь попытаться прорваться назад — я не возражаю». Затем он добавил: «Полковнику Келлеру ты больше не нужен». Когда я спросил про *Динго*, он слегка усмехнулся и ответил: «Мне она больше не понадобится». Я понял, что что-то произошло, но не мог расспросить, что именно. Я пожелал бригадиру удачи, отдал честь и ушел. Связного нигде не было видно.

Бригадир, должно быть, уже тогда понимал, что шансы уйти быстро тают. Утром 24-го ему сообщили, что эвакуация согласована «в принципе», но в другом послании, полученном поздно ночью, говорилось, что французы против. Он получил приказ пока не выходить из боя. Я ничего этого не знал, когда направлялся к Морскому вокзалу. С тех пор как мы ушли отсюда, ситуация ухудшилась: горящие и брошенные машины блокировали дороги. В *Динго* лежал ящик с шестью гранатами; я сунул одну под капот, чтобы поджечь машину, и продолжил путь пешком. Не знаю, откуда взялось то суденышко и как оно называлось, но позже я гадал, не был ли это тот самый траулер, упоминавшийся в одном из отчетов как доставивший важное сообщение для военно-морского отряда на вокзале. Что я помню точно, так это то, что они уже поднимали сходни, когда я бежал по причалу.

Те из нас, кто был на палубе, лежали плашмя, пока мы отходили, чтобы не быть сметенными за борт в последнюю минуту. Снаряды падали совсем рядом, поднимая столбы воды, и как только мы вышли из полосы дыма, стали видны вспышки вражеских батарей на гряде, возвышающейся над Кокелом. Эсминцы вели ответный огонь, маневрируя зигзагами, чтобы уклониться от атак *Штук*, выстроившихся в очередь для пикирования. Время от времени корабли исчезали в облаках брызг, но потом выныривали, яростно отстреливаясь из своих зениток. Осколки от близких разрывов срезали части нашей надстройки, ранив нескольких человек, но к середине пролива активность авиации стихла. Суда из других французских портов также высаживали войска в Дувре, и причал был забит до отказа. С фургонов *Армии Спасения* раздавали чай, сквозь толпу ползли машины скорой помощи. Повсюду были медсестры, полицейские, военная полиция, люди совали шоколад и сигареты прямо нам в руки. Никто не спрашивал, что происходит там, позади нас, хотя канонада была отчетливо слышна. Меня втиснули в поезд до Олдершота/Aldershot вместе с множеством других измученных солдат, и я, все еще с револьвером, который ни разу не выстрелил, мгновенно провалился в глубокий сон. Свое удостоверение личности военнослужащего *Британского Экспедиционного Корпуса* я так и не получил.

Сержантская столовая вновь открылась в поле у Ньюбери-Парк/Newbury Park близ Кембриджа/Cambridge — шатер, выскобленные столы, складные стулья и пара одолженных мягких кресел. Тайни Уайт (Tiny White), полковой сержант-квартирмейстер, сменил на посту полкового сержант-майора Стэннарда, который все-таки уцелел, проведя долгое время в воде после гибели своего судна. Кале пал 26 мая несмотря на приказ немецкого командования взять его 25-го. Бригадир Николсон попал в плен в *Цитадели*,

ответив на призыв к сдаче так: «Ответ — нет, ибо долг британской армии, как долг немцев, — сражаться». Теперь он был на пути в лагерь для военнопленных в Германии. Если он и люди, захваченные с ним, чувствовали горечь от того, что их высадили столь плохо подготовленными к боевым действиям, кто стал бы их винить в этом?

Подсчитав потери, мы оценили, что из штатного состава военного времени в 575 человек вернулось чуть больше половины — в основном из эшелона *B*: ремонтники, оружейники и водители. Из примерно сотни пропавших без вести или убитых большинство были высококвалифицированными членами танковых экипажей, включая многих взводных сержантов. Пропал Табби Баллард, с которым мы делили жилье в Хитчине. Джинджер Мэй (Ginger May) и Тич Кемп (Tich Kemp), оба хорошие друзья, погибли, Соккер Хит, как считалось, попал в плен. Мы ушли на войну во вторник вечером как регулярный батальон с пятьюдесятью танками, а к субботе потеряли все свои машины — гусеничные и колесные — и почти половину личного состава.

Всплыли неприятные факты. Танкам *A10* лучше было бы остаться в Англии. Для их мортир не выдали фугасных снарядов, и они были вынуждены стрелять только дымовыми шашками. С пригодными боеприпасами они могли бы подавить противотанковые пушки, которые немцы ставили в разрушенных домах, чтобы бить в тонкие борта наших крейсерских танков. Болванка от двухфунтовки была бесполезна против таких целей. Как минимум два танка были выведены из строя собственными экипажами на виду у всех возле Морского вокзала утром 24-го, когда прошел слух об эвакуации и о том, что исправная техника не должна достаться врагу. Могли уничтожить и больше, но кто-то вовремя осознал ошибку и остановил процесс. Неудивительно, что французы отнеслись к этому инциденту крайне болезненно.

К счастью, была и другая сторона медали. Танки *A13* уничтожили или повредили немало вражеских машин. Командиры танков проявляли инициативу при малейшей возможности. Майор Билл Ривз, посланный на разведку дороги для боевой группы *Дюнкерк или Смерть*, прорвался к Гравелину при лунном свете и участвовал в обороне города со своим крейсерским и тремя легкими танками. Пять *панцеров* были подбиты или подожжены. Он был без промедлений награжден орденом *За Отличие в Службе/Distinguished Service Order*. Мой лучший друг, Джимми Корнуолл (Jimmy Cornwall), взводный сержант, также добрался до Гравелина, придумав свой способ очистки моста от мин: он прицеплял танковый буксирный трос к каждой из них и стаскивал в сторону. Джимми наградили медалью *За Отличие в Бою/Distinguished Conduct Medal*.

Уже после войны сэр Бэзил Лиддел Гарт (Basil Liddel Hart) писал, что действия 3-го Танкового Батальона сильно повлияли на спорный приказ Гитлера остановить танковые дивизии у реки A/Aa вместо того, чтобы дать им наступать на Дюнкерк. 24-го числа *фюрер* приказал своим генералам оставить уничтожение британских сил на откуп *Люфтваффе*. Теорию Лиддел Гарта оспаривали, но для меня очевидно: гарнизон Кале, включая все рода войск и поддержавшую их корабельную артиллерию, в течение трех-четырех дней полностью сковывал действия [немецкой] 10-й Танковой Дивизии, когда та могла натворить бед в другом месте. В этом смысле можно утверждать, что тяжелые потери в людях и технике были оправданы, но это не тот довод, который мне хотелось использовать, когда я поехал в отпуск в Фордингбридж.

Большинство жен все еще были там. Они мало знали о том, где мы были и что делали. Женщины, чьи мужья пропали, задавали вопросы, на которые мы не могли ответить, вглядываясь в наши лица, чтобы понять, не скрываем ли мы что-то. Полковник Келлер не давал нам времени на раздумья. Он вернулся через Гравелин, попытавшись сбежать по пляжу на легком танке. Когда тот сломался, он проделал остаток пути пешком. По дороге он подобрал экипаж покинутого танка, но у тех не хватило сил пересечь вброд реку A, которая ближе к морю была довольно глубокой у моря. Они остались, а он вместе с другим офицером двинулся дальше.

Пока над страной висела угроза вторжения, каждый здоровый мужчина был задействован в схемах обороны. Так как танков у нас не было, мы маршировали по восточной Англии с

противотанковыми ружьями *Бойз/Boys* - пятифутовыми монстрами, которых ненавидели за их отдачу и полную никчемность. Постепенно в наш состав влились пополнения из персонала депо и складов в Бовингтоне и из частей, побывавших во Франции с 1-й Танковой Дивизией — из Полка *Гнедых/Bays*, 9-го Батальона Лансеров и 10-го Батальона Гусар. Кавалеристы были отличными кадровыми солдатами и быстро освоились в роли танкистов, хотя отсутствие машин заставляло всех нас чувствовать себя уязвимыми.

Огромным облегчением стал приказ сдать ружья *Бойз* и ехать в Ньюмаркет/Newmarket за партией танков *A13* и *A15* — новеньких, с едва просохшей оливково-зеленой краской. *A15* был последним словом техники среди крейсерских танков — похож на *A13*, но чуть лучше защищен и имел по пять катков с каждой стороны вместо четырех. Основным вооружением была двухфунтовка, для которой всё еще имелись только бронебойные снаряды. Позже *A15* назвали *Крусейдер/Crusader* — мистер Черчилль твердо считал, что у танков должны быть имена, а не цифровые коды. Один-два старых служаки заметили: жаль, что у него нет столь же твердого мнения о поставках фугасных снарядов.

Вместе с новыми *Динго* пришел и новый командир разведвзвода. Ростом шесть футов четыре дюйма и сложенный как *кирпичный нужник*/*brick privy (то есть, очень крепкого телосложения - ВК)*, второй лейтенант Боб Крисп (Bob Crisp, 1911-1994, на фото слева, в довоенное время – известный южноафриканский крикетист) получил чин в полку Вестминстерских Драгун/Westminster Dragoons, а затем перевелся в 3-й Танковый Полк.

— Слышал, вы играете в крикет, сержант? — Немного, сэр. — Я тоже. Нужно будет натянуть сетку.

Боб Крисп снес шесть калиток в своем первом тестовом матче за Южную Африку против Англии в 1935 году. В довоенном 3-м Танковом Батальоне все были одержимы крикетом. Любого, кто был в нем хорош, оставляли в части. Мне как-то раз отменили назначение в Индию перед важным матчем. Полковник Келлер играл за [графство] Хэмпшир, так что Боба Криспа ждало блестящее будущее. В течение трех месяцев он стал исполняющим обязанности капитана и помощником командира эскадрона.

Была огромная разница между нашим отплытием из Дувра в мае 1940-го и погрузкой в Ливерпуле шесть месяцев спустя. Основная часть батальона отправлялась в путь на лайнере *Stirling Castle*, на всё еще работал исключительно гражданский персонал. Старые стюарды качали головами при виде гостиных и салонов, забитых танкистами, спящими вповалку. Я делил каюту с шестью сержантами, но считал это предпочтительнее, чем дрожать в хижине за колючей проволокой в северной Германии, где, как я узнал, оказался Соккер Хит. Танки, перекрашенные в песочный цвет, перевозились на двух быстрых пароходах компании *Glen Line* в сопровождении минимально необходимого числа членов экипажей. *Динго* мы оставили в Англии.

Британская военная техника, брошенная в районе Кале

Никому не разрешили сойти на берег, когда конвой на сутки зашел во Фритаун/Freetown, но в Дурбане/Durban нам дали увольнительную. На причалах стояли очереди из людей, желавших пригласить нас в свои дома, и у нас было четыре чудесных дня. Обслуживающий персонал лайнера, должно быть, тоже хорошо повеселился, потому что, когда мы отплывали, многие из них не явились на борт, и мы заканчивали плавание, выполняя их обязанности. Боб Крисп тоже опоздал на корабль. До войны он был репортером в газете *Natal Mercury*, и бывшие коллеги устроили ему бурный прием. Вечеринка, видимо, удалась, потому что вместе с ним опоздали майор и пара капитанов. Не знаю, обрадовался командир или нет, когда один из сопровождавших нас крейсеров просигналил, что опоздавшие у него на борту. Их пересадили к нам уже в море…

Наше прибытие [в Порт-Саид] не было впечатляющим. Никто не пел *Благослови их всех/Bless 'em all*. Поезд ждал у корабля, но, когда он прибыл в Эль-Амарию/El Amaria близ Александрии, никаких приготовлений к нашему приему сделано не было. Австралийский пехотный батальон сжалился и пустил нас в свой лагерь: офицеров в их столовую, сержантов в сержантскую и так далее. Это был канун Рождества 1940 года. На следующий день наши благодетели устроили нам великолепный рождественский ужин, и мы все пошли в один из открытых кинотеатров сети *Шафто/Shafto*. Австралийцам фильм не понравился, и они подожгли кинотеатр. Мы вышли, уселись на песок, попивая пиво *Tooth's* и глядя, как догорает кинотеатр. Мистер Шафто слыл богачом со множеством кинотеатров, так что сочувствия к нему не было.

Было создано новое соединение — 2-я Танковая Дивизия, частью которой стал 3-й Танковый Батальон. Мы присоединились к ней после приятной поездки по железной дороге вдоль побережья до пункта Мерса-Матрух/Mersa Matruh. Вскоре после этого оказалось, что мы возвращаемся в *Дельту (так называли район Александрии – ВК)*.

— Что случилось?

— Мы должны передать наши танки 2-му Батальону.

— Не верю.

— Это правда.

— А на чем мы будем ездить?

— Это обмен.

— Очуметь.

Нас просили обменять наши прекрасные новые крейсерские танки на пятилетние машины, уже прошедшие сотни миль. Разведка также должна была сдать легкие танки, полученные вместо *Динго*. Во время обмена было сказано много горьких слов. Еще более цветистые взгляды на компетентность штабистов высказывались, когда мы загружали изношенные *A10* и отправлялись обратно в Дельту. Мы были в полном недоумении. Когды мы вернулись в лагерь под Александрией нас собрали по эскадронам, и мы узнали свою судьбу. Мы должны были стать частью 1-й Танковой Бригады, направляющейся в Грецию.

— А как же запчасти, сэр? — спросили командира эскадрона.

— Их вышлют.

Приятно было знать. У *A10* была хорошая шарнирная подвеска, но она требовала экспертного внимания для работы на больших расстояниях. Те танки, что нам передал 2-й Батальон, имели двухфунтовые пушки вместо мортир, которыми мы пользовались в Кале, но это не компенсировало слабую броню. Итальянский *M13/40* был защищен лучше, а его 47-мм пушка была тяжелее. Более того, мы были бы везунчиками, если бы *M13/40* был единственным противником, которого мы встретим. Войска Муссолини терпели неудачи после нападения на Грецию в октябре 1940 года, и было разумно предположить, что Гитлер вмешается. Иначе зачем нас туда посылают? Ни у кого не было иллюзий насчет того, что произойдет, если мы столкнемся с немецкими *Pz. III* и *IV*. Единственное другое бронетанковое подразделение, отправлявшееся туда — 4-й Батальон Гусар — был оснащен легкими машинами *Виккерс VIB*, вооруженными только пулеметами: средним калибра .303 и тяжелым калибра .5. Они были быстрыми, но их броня имела толщину всего 13 мм.

Казалось, времени терять было нельзя. В начале марта мы поднялись на борт нового крейсера ПВО *Bonaventur* и на большой скорости пересекли Средиземное море в компании старых крейсеров *Gloucester* и *York*. Через тридцать шесть часов мы были в Пирее. Греки обезумели от восторга и вешали нам на шеи гирлянды. Когда через пару дней на быстроходном грузовом судне прибыли нелюбимые нами *A10*, их тоже украсили цветами. Два дня мы сидели в порту Пирея в ожидании танков. Я воспользовался случаем, чтобы съездить в Афины, и в маленьком кафе мне повезло познакомиться с греческим школьным учителем, который говорил по-английски и даже преподавал его в своей школе. Он пригласил меня к себе домой, и я познакомился с его женой и двумя дочерями. Эта своевременная встреча очень помогла мне позже

Греческая интерлюдия, часть I

У танков *A10* и греческого железнодорожного подвижного состава было кое-что общее: и те, и другие были в плачевном состоянии, и у них не хватало многого. На платформах, перевозивших танки на фронт, катастрофически не хватало цепей для закрепления груза. В качестве замены мы прикручивали болтами толстые к полу вагонов доски, которые служили упорами. Было решено, что экипажи будут ехать на том же транспорте, что и их машины. Не допускалось даже мысли о том, что они могут разлучиться.

Позади танков соорудили навесы из брезента, но конструкции выглядели настолько ненадежно, что я был рад возможности ехать по дороге. К тому времени я был повышен до сержанта-квартирмейстера эскадрона, и в моем распоряжении были полуторатонный грузовичок и трехтонный грузовик. Работа сержанта-квартирмейстера заключалась в обеспечении эскадрона боеприпасами, рационами и предметами личного пользования, такими как зубная паста и сигареты. Не могу сказать, что я был в восторге от этой должности, так как в прошлый раз, исполняя обязанности батальонного сержанта по провианту, я влип в неприятности, заказав слишком много индеек. На Рождество 1939 года счет на 100 фунтов превысил норму — огромная сумма по тем временам, хотя квартирмейстеру, капитану Реджи де Виру (Reggie de Vere), как-то удалось это уладить. Однако, когда однажды утром людям подали по половинке селедки — никто не сказал мне,

что их заказывают парами — он окончательно во мне разочаровался. Какое-то время после этого меня знали под прозвищем *Клоуз-Полселедки/Half Kipper Close*.

Незадолго до нашего отъезда из Афин батальон сменил тропическую форму (хаки и шорты) обратно на боевое обмундирование. Погода, которая была теплой и приятной, когда мы разбивали лагерь в рощах Дафны/Dafna, начала меняться. Нас предупредили, что на севере, куда мы направляемся, ожидается снег. Когда мы выезжали, пробковые шлемы, выданные предусмотрительным правительством, были нами оставлены на месте.

Синоптики не ошиблись. В горах наш конвой встретил заряды мокрого снега, которые иногда перерастали в небольшие метели. Стеклоочистители работали на износ. Чем дальше мы ехали, тем суровее становился пейзаж: с одной стороны возвышались зазубренные утесы, с другой — крутые осыпи. Сквозь разрывы в облаках виднелись заснеженные пики, а долины были окутаны туманом. Это место не казалось мне подходящим для танков. Оно вообще не казалось подходящим для чего-либо.

Нам потребовалось три дня, чтобы добраться до Флорины/Florina — железнодорожного узла, через который шло снабжение греческих армий, сражавшихся в Албании. Там к нам присоединились танковые экипажи с леденящими душу рассказами. В первый день они чуть не замерзли насмерть, так как машинист поезда не имел понятия о важности чая для среднего танкиста, а на продуваемых ветром платформах заварить его было невозможно. На первой же остановке делегация восполнила этот пробел в образовании машиниста, и с тех пор поезд делал регулярные остановки, чтобы набрать кипятка из паровоза. Фраза «Это чудо, что мы все не погибли» звучала постоянно. Некоторые танки сдвигались на дюйм-другой, когда платформы входили в крутые повороты. Под гусеницами скапливались град и лед, и танкисты боялись, что 15-тонные *A10* перескочат через упоры и увлекут полузамерзшие экипажи за собой. Даже спустя столько лет мне кажется безумием так рисковать отборными танкистами. Однако, они добрались до места, хотя и непонятно как.

Флорина была довольно крупным ветхим городом, полным солдат, лавочников, раздолбанных улиц и маленьких кафе. Батальон почти сразу передислоцировался в Аминдеон/Amindeon - уменьшенную и еще более грязную версию Флорины. Полковник Келлер разместил свой штаб в здании школы, машины рассредоточили вокруг и замаскировали, а эскадроны заняли позиции. Изучающие вопросы применения бронетехники тщетно будут искать в этих позициях хоть какой-то смысл. Танкам приходилось ползти по разбитым тропам, то заболоченным, то замерзшим, к изолированным точкам, прикрывающим подъездные дороги. Перспективы взаимной поддержки почти не было. Низины представляли собой болота, в основном непроходимые, и даже более удобные долины нельзя было пересечь без предварительной разведки и разметки маршрута. Ночью температура резко падала, и экипажи в большинстве случаев ночевали в снежных норах рядом с танками.

При хорошей поддержке артиллерии и авиации решительно действующие войска могли бы бесконечно долго сдерживать захватчика в горах, если бы тот был достаточно любезен и предпринял фронтальную атаку. Однако никто не мог сказать, с какой стороны появится враг. Когда мы прибыли в Аминдеон, немцы еще не раскрыли своих карт. Греки вели тяжелые бои в Албании — и далеко не всегда успешно, — в то время как из Югославии поступали самые разные слухи. Не в силах разобраться в балканской политике, обычный танкист старался согреться и с нетерпением ждал выездов на патрулирование, просто потому что они нарушали монотонное горное бдение. Устраивались футбольные матчи между эскадронами, а игра против греческой зенитной батареи приобрела важность финала кубка.

Известие о прибытии запчастей для танков стало настоящей сенсацией. Сержанты-квартирмейстеры эскадронов немедленно поехали на склады во Флорину, чтобы забрать их. Нам отчаянно не хватало запасных траков, и мы латали старые гусеницы как могли. Несколько ящиков вскрыли до того, как осознали весь ужас ситуации. «Смотри, — сказал технический адъютант, приехавший с нами, и поднял густо смазанный палец трака. - Они прислали нам запчасти для *A15* и *A13*!». Воцарилась гробовая тишина. «2-й Танковый будет

рад нашему хламу», — сказал кто-то. «К черту 2-й Танковый. В Египте должны быть другие запчасти. Что нам делать теперь?». Сделать было ничего нельзя. Я отправился посмотреть, нельзя ли договориться с полевым складом снабжения *RASC* (Королевский Армейский Корпус Обслуживания), где у нас были друзья. Мы обычно могли выпросить ящик чая или мешок сахара, если кладовщики отвлекали своего старшину, пока мы грузились. Загруженные машины никто никогда не проверял. Возможно, именно это случилось и с нашими танковыми деталями — никто не проверил.

Когда 6 апреля немцы атаковали Грецию и Югославию семью танковыми дивизиями, у нас было вдоволь чая и сахара, но ни одного запасного трака для *A10*. Состояние отступающих через Аминдеон войск говорило само за себя. Заляпанные грязью греческие солдаты брели по неровным улицам. Беженцы запрудили дорогу на Флорину. Проливной дождь и низкая облачность добавляли страданий, но хотя бы сдерживали *Штук*. Затем погода улучшилась, и начались бомбежки. Наши эскадроны доложили о контакте с противником.

В течение трех дней наш батальон и 4-й Гусарский участвовали в хаотичных боях, известных как битва в ущелье Монастир, вместе с австралийской пехотой, новозеландскими пулеметчиками и нортумберлендскими гусарами (противотанковой частью). Я занимался подвозом припасов в эскадрон, иногда привозя обратно экипажи из подбитых танков. Отсутствие запчастей начало сказываться. Один эскадрон доложил о пяти поломках только в ходе разведки по сигналу оказавшейся ложной тревоги. Все машины пришлось бросить и уничтожить. Средств эвакуации не было. Немало вражеских бронемашин было подбито или повреждено, но в отличие от наших, их быстро ремонтировали. С капитуляцией греческой армии в Македонии наш тыл оказался под угрозой, и отступление стало неизбежным. Расстояние около 300 миль до Фермопил было слишком велико для изношенных гусениц *A10*. Наши силы таяли на горных дорогах.

Чего можно было достичь при других обстоятельствах, показал бой у Птолемаиды/Ptolemaida в сорока милях к югу от нашей исходной позиции. При поддержке противотанковых пушек и 25-фунтовых орудий эскадрон *C* устроил засаду у моста. Немцы въехали прямо в нее, и несколько танков *Pz. III* загорелись вместе с бронетранспортерами. К сожалению, еще три наших танка пришли в негодность. Боб Крисп хорошо проявил себя во время отступления. У горной деревни Гревена/Grevena он нашел хорошую позицию, замаскировал танк и использовал свои пулеметы против *Мессершиттов/Messerschmitt* и *Штук*, летевших вдоль долин. Когда батальон достиг Ларисы/Larissa, где находились греческие штабы и склады, он провел последний бой на аэродроме среди сгоревших *Харрикейнов*, застигнутых на земле.

После этого сражаться стало практически нечем. Единственные танки, которые у нас остались, были на кокардах наших беретов.

«Хорошо. Приказ простой. Едем в Афины, садимся на поезд до Аргоса, находим пляж *T* и ждем флот. Понял?» - «Так точно, сэр!».

Капитан Бартрам (Bartrum), отвечавший за транспорт, стоял в жиже в унылой деревне под Ларисой. На главной улице выстроились четырнадцать трехтонников и мой полуторатонник. Грузовики были забиты изнуренными танкистами, молодыми офицерами и персоналом эшелона — всего около 250 человек. Они теснились на кучах скаток, припасов и ящиков с патронами. Несколько пулеметов *Беса/Besa* были сняты с танков и установлены на крышах кабин грузовиков *Бедфорд/Bedford*. Мы придумали систему: один человек был наблюдателем/заряжающим, другой стрелял. Было лишь вопросом времени, когда самолеты *Люфтваффе* начнут взлетать из Ларисы.

Мы начали движение в организованном порядке и направились к горам, соблюдая дистанцию между машинами. Когда мы въехали в предгорья и влились в орды других беженцев, поддерживать дисциплину в конвое стало почти невозможно. Мы утонули в медленном потоке людей и машин, на который вражеские самолеты пикировали беспрепятственно. Крестьяне, греки и турки, были невероятно бедны, но гостеприимны, и твердо решили ничего не оставлять врагу. Они грузили свой скарб, детей и родню на любой доступный транспорт.

Продвигаясь по извилистым дорогам, через перевалы и шаткие мосты, мы пробирались сквозь ряды измотанной греческой пехоты в хаки и обмотках, пушек, которые тащили лохматые пони, санитарных машин, автобусов, воловьих упряжек, скота, мулов и ослов — очень большого числа мулов и ослов. Когда немецкие истребители проносились по долинам, поливая всё это огнем из пулеметов, колонна содрогалась и останавливалась, люди бросались в канавы или прятались за валунами на склонах. Когда самолеты улетали, подбитые или горящие машины сталкивали в пропасть, раненых перевязывали, и, если была возможность, в спешке копали могилы для убитых. Человеческая змея снова собиралась и двигалась дальше до следующего налета.

Отступление из Греции (художник H. Jones)

Был день, когда *Штуки* атаковали каждые полчаса. Два наших грузовика сгорели, и их пассажиры пересели на оставшиеся машины. Мертвецов, вынув у них солдатские книжки для опознания, заворачивали в брезент и оставляли у дороги. За три дня и ночи этот ужас — горящие деревни и погибшие мирные жители, которых было больше, чем солдат — стал привычным делом. Милях в тридцати от Фермопил раздался радостный крик: мы припарковались у теплых источников. Грязные от прыжков в придорожные канавы, мы разделись и погрузили уставшие тела в воду. Тут снова появились *Штуки*. Перед пилотами, должно быть, открывался превосходный вид на наши розовые тела, когда мы снова бросились к ближайшим грязным ямам.

В Фермопилах, где планировалось дать бой, нас пропустили через оборону — танковые экипажи были не нужны. Из-за наносов ила знаменитое поле битвы перестало быть узким проходом и превратилось в широкую равнину. Мы быстро ехали по дороге на Афины, хотя конвой всё больше растягивался. Это создавало проблемы на блокпостах. Недалеко от города вооруженные греки, высматривавшие немецких парашютистов, с подозрением смотрели на пулеметы на кабинах *Бедфордов* и еще с большим подозрением — на чумазых солдат за ними. Капитану Бартраму пришлось долго объясняться. Наконец он подозвал меня: «Тебе лучше остаться и направлять водителей, когда они будут подъезжать. Посылай их вот по той дороге». Мы были на кольцевой развязке. «А как же мой грузовик, сэр?» - «Я поеду на нем вперед и узнаю, что на станции. Садись в последний грузовик. Ты нас найдешь». - «Не беспокойтесь за меня, сэр», — я звучал увереннее, чем чувствовал. Ни один старый солдат не доверит свой вещмешок кому-то другому. Кроме бритвы, он был набит греческими драхмами: я как раз собирался выдавать жалование эскадрону, когда

началось отступление. Я перекинул сумку через плечо и стал ждать. Полуторатонный грузовик уехал с теми немногими машинами, что уже прибыли, а я отмечал отставших, которые появлялись всё реже. «Последняя машина» была якобы «совсем близко» и должна была быть через «десять минут». Десять минут превратились в пятнадцать... тридцать... час. Я начал ловить на себе странные взгляды прохожих. Некоторые с завистью смотрели на пистолет в кобуре у меня на боку.

Путь в город был долгим. Никто не остановился, чтобы подвезти меня. Времена гирлянд и бесплатных напитков прошли. На первой станции, куда я пришел, стояли греческие часовые и меня не пустили. Они сделали вид, что не понимают меня, и прогнали. Я прошагал еще несколько миль и нашел другую станцию. В своей куртке хаки, солдатских брюках и черном танковом берете я не мог быть никем иным, кроме британского солдата, но никто не хотел помочь. Грек с винтовкой отправил меня дальше. Те немногие люди, что встречались на улицах, отводили глаза. Полицейские патрули часто останавливали меня, держа под прицелом. Я понял, что если немцев ненавидят, то и британцы не пользуются всеобщей популярностью.

Так как я знал в Афинах только один частный дом, я решил попытать счастья там. Андрей, школьный учитель, был среди тех, кто первым приветствовал нас по прибытии. Я провел у него два дня во время увольнительной. Высокий и светловолосый, он совсем не походил на грека в моем представлении. Я гадал, буду ли я всё еще желанным гостем — если вообще найду дорогу. Я отыскал его с трудом. Он оказался дома, и как только я постучал, он затащил меня внутрь и быстро запер дверь. «Что ты здесь делаешь? Как ты нас нашел? Радио говорит, что немцы уже здесь. Правительство капитулировало». Я почувствовал себя так же, как когда докладывал полковнику Келлеру о потере своего отделения машин *Динго*. Во всем был виноват я один.

Греческая интерлюдия, часть II

Район *красных фонарей* в Афинах был, пожалуй, самым информированным коммерческим центром на Балканах. Все сутенеры были шпионами, все девушки пересказывали мадам интересные «постельные разговоры», и у каждого клиента была своя история. Благодаря нескольким австралийцам я оказался в одном из весьма роскошных заведений этого района. Я встретил этих австралийцев в кафе, когда, накинув один из пиджаков Андрея поверх своей формы, отправился на небольшую разведку после наступления темноты. Они сидели без кителей, весело попивали пиво и травили байки. «В нашем убежище всё в порядке, — объяснил один из них, — но хорошего понемножку». Они предложили мне переехать к ним, и, посоветовавшись с Андреем, я так и сделал. Я не видел смысла проводить остаток войны, помогая его дочерям-подросткам практиковаться в английском. К тому же, как только немцы по-настоящему возьмут город под контроль, у любого афинянина, укрывающего британского солдата, возникнут проблемы.

Публичный дом был богато обставлен плюшевыми креслами, тяжелыми портьерами и тусклыми светильниками. Большую часть времени мы проводили в сильно надушенной гостиной, беседуя с девушками у бара. Они относились к нам с сочувствием и почти все немного говорили по-английски. Там я узнал много новостей: во-первых, что колонна грузовиков капитана Бартрама успела на поезд и уехала в Аргос, что греческий премьер-министр покончил с собой (хотя немцы утверждали, что его застрелили союзники); что нацистские парашютисты высадились у единственного моста через Коринфский канал и захватили его после яростного боя с новозеландцами. Затем кто-то взорвал этот мост вместе с кучей вражеских солдат. Ходили слухи, что флот всё еще забирает людей с пляжей на полуострове Пелопоннес, но 2-я Танковая Дивизия уже заняла окрестности Афин. Самым интересным было сообщение о том, что британские войска собираются в Глифаде/Glifada — известном живописном месте, где таинственный одноглазый майор организует в лесах группы для побега.

Мадам, элегантно одетая женщина лет сорока, которая добилась бы успеха в любом бизнесе, всё для нас устроила. Однажды ночью сутенер принес весть, что после наступления темноты нам нужно идти в Глифаду, что мы и сделали, хотя путь был

неблизким. Наше доверие к даме полностью оправдалось. К моему удивлению, одноглазый офицер — которого старые ветераны пустыни за глаза сразу прозвали *Вахид Шуфти/Wahid Shufti* — носил черный берет. Это был майор Кэри (Carey), заместитель командира 3-го Танкового Батальона, которого отправили вперед для связи с греками. Майор знал свое дело и твердо заявил, что не хочет, чтобы кто-то закончил войну так, как он в Первую Мировую — в плену. Он собрал там более пятидесяти солдат, большинство из которых спали прямо в лесу. Некоторые были в полной выкладке, с ранцами и винтовками, другие — безоружные, имея при себе лишь шинель. Среди них было немало танкистов, включая Джона Майерса (John Myers), моего близкого друга, служившего со мной еще в Лидде.

Майор без промедления сформировал из нас группы для попытки побега через Коринфский канал к южным пляжам. У некоторых уже были карты местности, остальные их скопировали. Мы также набросали грубые схемы Крита — куда нам следовало направляться, если повезет. Поскольку у меня были компас, карта и запас наличных, майор Кэри назначил меня старшим группы из двенадцати человек, большинство из которых были вооружены. Затем он познакомил меня с Георгием, смуглым, жилистым греческим пареньком лет пятнадцати, который должен был стать нашим проводником. Георгий немного говорил по-английски и уже перевел через канал как минимум одну группу.

План состоял в том, чтобы двигаться по дорогам ночью, сворачивая в поля, если увидим свет фар (немцы не опасались атак с воздуха и пользовались светом свободно). По расчетам, путь до места перехода через канал должен был занять три ночи. Мы шли почти до рассвета, пока где-то за разросшимися пригородами Элефсина/Elefsina не поднялись на крутой холм к монастырю, где монахи, казалось, нас ждали. Они накормили нас, дали горячего чая и козьего молока и уложили спать в крипте. В сумерках, когда нас разбудили и дали хлеба с помидорами, мы узнали, что немецкие патрули проходили через этот район, не останавливаясь.

На следующем этапе пути мы, должно быть, покрыли двадцать миль в направлении Мегары/Megara. Ночь была холодной и туманной, и пару раз свет фар заставлял нас уходить в поля. Мы не видели, что это за машины, и не стремились это выяснить. Рассвет застал нас на ферме, где к нам отнеслись дружелюбно и где мы с радостью выпили горячего кофе, предложенного хозяином. Весь день мы прятались в амбаре, наблюдая, как по дороге проезжают немецкие полугусеничные машины и броневики. Перед уходом я залез в сумку с деньгами эскадрона, чтобы заплатить за еду. Фермер протестовал, но в итоге взял деньги. Великодушие этих отчаянно бедных крестьян оставило глубокое впечатление.

Мы надеялись достичь канала следующей ночью, но всё еще были в пути, когда небо начало светлеть. Георгий увел нас в холмы, и мы весь день изнывали от жары под чахлыми оливковыми деревьями. После наступления темноты мы тронулись в путь, шли довольно быстро и вскоре вышли к скалистому берегу канала. Он простирался прямо, как стрела, в обоих направлениях. Я узнал много позже, что строительство канала началось при императоре Нероне — до того суда перетаскивали из одного залива в другой волоком. В тот момент я думал лишь о том, что он выглядит очень широким и, вероятно, довольно глубоким. Стены были почти отвесными, и казалось невозможным преодолеть их ночью, учитывая немецких часовых наверху. Однако нам это удалось. Попрощавшись с Георгием и дав ему щедрую горсть драхм на обратный путь в Афины, мы двинулись дальше на юг. Оглядываясь назад, я иногда думаю, что немцы были не прочь оставить нас в покое. Они могли потратить уйму бензина, гоняясь за нами по горам, и наверняка понимали, что прочесывание пляжей позже всё равно позволит собрать большинство отставших.

Продолжая путь в том же духе — двигаясь ночью и прячась днем — мы натыкались на десятки подобных групп, надеявшихся на эвакуацию морем. Холмы оживали после наступления темноты. У самого побережья мы столкнулись с группой примерно из 300 человек из разных родов войск под командованием пожилого майора-артиллериста. Когда я представился ему, он приказал мне присоединиться к его группе и мрачно сообщил, что враг уже в Аргосе и берет в плен тысячи солдат, добравшихся до побережья.

— Что вы собираетесь делать, сэр?

— Делать больше нечего. Завтра я намерен сдаться. Мы не можем сражаться и не можем бежать. Мы просто организованно пойдем в плен. Распорядитесь, чтобы ваши люди сдали оружие. Он упомянул о месте сбора оружия. Я принес эту «благую весть» своему маленькому отряду. Никто не обрадовался.

— Не думаю, что *Вахид Шуфти* имел в виду именно это, — сказал один из австралийцев. Все уставились на меня.

— Что думаешь?

— Ну, я не знаю точно, что буду делать, но я здесь не останусь.

— Куда ты пойдешь?

— Обратно в холмы, попробую обойти Аргос дальше, вдоль побережья.

Только двое из моей первоначальной группы решили, что с них хватит. Они были истощены — по крайней мере морально. Остальные: шестеро из 3-го Батальона (включая Джона Майерса и меня), двое австралийцев, двое новозеландцев и капрал инженерных войск ускользнули в сумерках. Мы провели еще четыре или пять дней, живя впроголодь и оставаясь на холмах. На стоянках мы по очереди несли караул. Во время переходов кто-то один разведывал путь. Согласно моей карте, между Аргосом и Паралио Астрос/Paralio Astros находилась небольшая рыбацкая община, туда мы и направились. Крестьяне, которых мы встречали, относились к нам с сочувствием, хотя обычно вели нас к деревенскому священнику — большинство их хоть немного знали английский — для проверки. Как только он подтверждал, что мы свои, нам давали еду и убежище. Я использовал драхмы, чтобы купить плитки горького черного шоколада, который мы грызли на лежках. Капрал-сапер говорил, что это было единственным, что отбивало у него охоту удрать от нас.

Греция, 1941. Немцы осматривают брошенный британский танк A10

У деревни наверняка было название, но я его так и не узнал. Там была всего полдюжины домов, портовая стена и древний каменный мол, укрывавший пристань. У причала были пришвартованы три или четыре рыбацкие лодки с ловушками для крабов на палубах. Ранним вечером, убедившись в безопасности, я пошел на контакт. Женщина в платке вышла из двери, увидела меня и быстро скрылась внутри. Вскоре появился молодой человек. Женщина наблюдала из окна. По моему растрепанному виду было ясно, что я не

немец. На этот раз священник не появился — возможно, его не было на месте. Вместо него меня отвели к своего рода «старосте», коренастому небритому человеку лет шестидесяти, который восседал на почетном месте в комнате с масляными лампами — в чем-то среднем между кухней и кафе. Мы обменялись рукопожатиями, и остальная часть отряда, кроме часовых, присоединилась к нам. На большой стол поставили маленькие чашки кофе.

Я бы очень хотел знать, о чем на самом деле шла беседа. Понятный словарный запас этого человека ограничивался словами «OK», «No OK», «Germani» (после чего следовал плевок и жест большим пальцем по горлу) и «Mussolini» (сверкнув глазами, он изображал еще более яростный перерез глотки). Я изо всех сил пытался дать понять, что мне не только нужна лодка, но и что я готов ее нанять. Я достал из сумки пачку купюр. Это произвело немалое впечатление. После долгого сбивчивого обсуждения мы в итоге пришли к соглашению. Рыбак должен был получить часть денег при отплытии, а остаток — по прибытии в Ханью/Chania на Крите. Я указал это место на одной из тех грубо сделанных карт, которые мы рисовали в Глифаде. Мы также договорились оплатить припасы.

Как только сделка состоялась, мы принялись загружать в лодку канистры с водой, хлеб и неизменные помидоры. На следующее утро, около 04.30, мы отчалили в густом тумане. У нашего шкипера, казалось, не было никаких навигационных приборов, поэтому я для вида старательно смотрел на свой компас и самодельную карту. Он не обращал на меня внимания. Примерно в трех милях от берега из тумана выплыла длинная серая тень. Настали томительные мгновения ожидания, а затем над волнами раздался зычный голос: «Эй там, на шхуне! Приготовиться к приему людей!». За бортом спустили штормтрапы, и лодочник всё еще пересчитывал последний платеж, когда мы вскарабкались на борт эсминца. «Повезло вам, ребята», — сказал один из солдат, толпившихся у борта. И он был прав. В тумане лодку не было видно и с нескольких ярдов.

Эсминец *Horspur* с тремя сотнями таких же беглецов на борту шел к Криту, а затем в Египет. Нам сказали, что, если всё пойдет хорошо, нас высадят в Александрии. К несчастью, когда солнце рассеяло туман, появились *Штуки*. Все легли плашмя и вцепились во что могли — *Hotspur* кренился, идя зигзагами. Тонны воды от близких разрывов обрушивались на нас. Они встряхивали наши тела и с силой вжимали их обратно в палубу. Гулкий грохот, прорвавшийся сквозь рев зениток, возвестил о попадании, но эсминец шел вперед. После еще одного оглушительного удара скорость резко упала. По громкой связи объявили, что машинное отделение повреждено, но корабль еще может идти. Однако вместо Александрии нас высадят на Крите. *Штуки* улетели, и когда показался берег, шлюпки и плоты приготовили к спуску.

Нас уже переправляли на пляж, когда *Штуки* вернулись, и вокруг эсминца снова загремели взрывы. Корабль ушел в море, немного прибавив ход, но он был весь в огне и с сильно кренился. Все его орудия вели огонь. Ступить на землю Крита было не самым обнадеживающим делом, хотя там явно было безопаснее, чем на палубе эсминца. Не оставляя намерений уничтожить его, *Штуки* скрылись, оставив нас на пустынном пляже. Вокруг не было признаков жилья, только серо-зеленые горы под ясным синим небом — картинка как с открытки. Идиллическая атмосфера подействовала на самых изнуренных солдат: они побросали вещи на дюны и уснули. Никто не взял на себя командование, люди бесцельно бродили по берегу.

Примерно через сорок восемь часов, сопровождавшихся активными действиями авиации, нас окликнул патруль Полка *Черный Дозор/Black Watch*, который затем вызвал пару грузовиков. В Ханье мы привели себя в порядок, поели горячего, получили одеяла и места в большом здании. Нам отчаянно нужны были новости, и офицер *Черного Дозора* это понимал. Он рассказал нам о капитуляции Греции и об эвакуации британских сил. Большинству удалось уйти, сказал он, но никто не ждет, что немцы удовлетворятся победой на материке — вторжение на Крит неминуемо.

— Вам всем выдадут винтовки, поступаете под наше командование, — заключил он. — Ты, будешь командовать отделением.

Судя по лицам присутствовавших танкистов (включая меня), идея нам не понравилась.

— Ничего не поделаешь, парни, — сказал офицер-шотландец. — Нам нужен каждый человек для патрулирования.

Я спросил, есть ли на острове танковые части и можно ли к ним присоединиться. Он ответил, что на другом конце Крита есть эскадрон 3-го Полка Гусар на легких танках и полдюжины *Матильд*, распределенных по аэродромам. Это было всё. О заменах или запасных машинах он ничего не знал. Мы пошли получать винтовки.

Пару дней мы патрулировали местность с горцами, разыскивая парашютистов, о высадке которых сообщали. К счастью, мы никого не нашли, хотя самолетов *Люфтваффе* видели предостаточно. Затем пришли вести о серьезном поражении в *Пустыне*. Немецкие танковые части, прибывшие на помощь итальянцам, не только отбросили британцев от Эль-Агейлы/El Ageila, но и погнали нас к самой египетской границе. 9-я Австралийская Дивизия оказалась в осаде в Тобруке, а 2-я Танковая Дивизия была сильно потрепана. Пришел приказ: всех обученных танкистов немедленно отправить обратно в Египет. Мы без сожаления сдали винтовки и сели в грузовики, которые повезли нас к небольшой бухте неподалеку от залива Суда, где якобы ждал корабль.

Надежда на спасение испарилась еще на подъезде. Стоянка была под яростным обстрелом с воздуха. Два эсминца горели, а крейсер сильно кренился. Никакого противодействия воющим *Штукам* в небе не было.

— Вы танкисты? — появился какой-то офицер. — Вам приказано явиться в... — и он назвал место, которое оказалось бухтой дальше по побережью. — Я бы на вашем месте поторопился.

Судно *Pompeii Veronica* стояло в маленькой бухте, его белый корпус был покрыт пятнами ржавчины. Оно не подавало признаков жизни, если не считать сохнущего белья на корме. Если немецкие самолеты его и игнорировали, то, возможно, принимали за неподвижный объект. Корабль простоял без дела год и служил домом для владельца, его жены и их дочери-подростка. Капитан, гигант с густой черной бородой, не давал ломаного гроша за наши шансы уйти. У судна были проблемы с котлами, двигателем, конденсатором.... Капитан из *RASC*. Старший нашей группы, спросил наших ремонтников, могут ли они что-то сделать, и, вдохновленные грохотом из Суды, добровольцы исчезли в машинном отделении.

Как единственному квартирмейстеру на борту, мне поручили организовать пайки на трехдневный переход. *Черная Борода*, немного говоривший по-английски, предупредил, что баки для воды либо пусты, либо текут. Я набрал на берегу столько пустых канистр из-под бензина, сколько смог, и наполнил их из колонки. Их переправили на борт вместе с ящиками тушенки, галет и сыра со склада на причале. У каждого была своя задача: артиллеристы соорудили хитроумную установку, чтобы стрелять из своих пулеметов *Беса*, снятых с танков, используя натянутый стальной трос. Один капрал из 3-го Батальона, Джок Огилви (Jock Ogilvie), добравшийся из Греции на рыбацком судне, отказался выбросить свой пулемет по приказу флотских, заявив, что не за тем тащил его сотни миль, чтобы выкинуть в море, тем более что у него был ящик патронов. Лязг и грохот из машинного отделения в конце концов дали результат. Один из двух котлов *Вероники* признали рабочим. Из трубы повалил черный дым. Я думаю, *Черная Борода* где-то раздобыл пару настоящих кочегаров или механиков, а танкистов разбили на смены для обслуживания котла. Угля было мало, и вскоре из-за летящей пыли все стали черными как черти. Давление пара поднялось, и капитан, к собственному удивлению, объявил, что мы можем выходить. Мы с тревогой наблюдали, как лебедка втягивает якорь, и в сумерках вышли в море под конвоем эсминца. Прощай, Суда. Прощай, Крит.

Кочегары работали на совесть всю ночь; наверху стояли наблюдатели. Рассвет был прекрасен, если не считать темной полоски скал Крита, всё еще маячившей на горизонте. Взгляд за борт показал едва заметную рябь на зеркальной глади. Судно шло, но еле-еле. Стал слышен грохот бомбежек у берега. Сопровождавший нас эсминец, который извивался как мог, чтобы не обогнать нас, в конце концов сдался. Он просигналил «Прощайте и удачи» и на полной скорости ушел на помощь своим. *Вероника*, казалось, не хотела покидать

уютную бухту, но Крит постепенно скрывался из виду. Пока винт делал свое медленное «чух-чух-чух», *Черная Борода* был доволен, но он настаивал, что три с половиной узла — предел для его двигателя-калеки. Время от времени кочегары поддавали жару, и посудина начинала вибрировать, осыпая нас хлопьями краски, но это длилось недолго.

Черепаший темп означал, что плавание затянется. Я организовал всё так, чтобы мы пили чай дважды в день: кочегары получали по кружке, остальные — по полкружки. Дневной рацион составлял полбанки тушенки, пачка галет и кусочек сыра на человека. На вторую ночь, когда я болтал с Джоном Майерсом о довоенных временах, море в паре сотен ярдов вскипело в лунном свете. Разговоры на палубе стихли, когда на поверхность всплыла подводная лодка. Кто-то уже взвел затвор *Бесы*, но голос на чистом английском разрядил обстановку: «Лечь в дрейф! Что за судно? Куда идете?» Наш капитан-интендант объяснил, что если мы остановимся, то можем больше не завестись, и что мы британские солдаты, идущие в Египет. Лодка проверила наш курс, подтвердила направление и сопровождала нас до рассвета, вероятно, заряжая аккумуляторы. Перед утром она погрузилась, пообещав присматривать за нами.

На следующий день появились более опасные гости — звено двухмоторных самолетов. Один из них отделился, чтобы осмотреть нас, и вызвал остальных. Несколько минут вокруг ревели *Ju-88*, пулеметы трещали с обеих сторон, летели брызги. Так же быстро *Юнкерсы* выстроились в ряд и улетели, оставив нас в пене. Видимо, они возвращались с задания и использовали нас как мишень для тренировки. Никто не пострадал, но *Черная Борода* был в ярости и осыпал их проклятиями, высунувшись из-за мостика. Его жена, которую мы почти не видели, тоже вышла, чтобы погрозить кулаком самолетам и снять белье. Нас атаковали и другие самолеты, но наша способность производить уйму дыма, почти не двигаясь с места, вводила их в заблуждение, и лишь пара снарядов с *Мессершмиттов* попала в корпус, не причинив вреда.

Враг нас не остановил, но мы рисковали встать сами — кончалось топливо. Уголь был на исходе. Мы сообщили об этом подлодке, когда та всплыла ночью, и предупредили, что наш внешний вид может измениться — мы собираемся сжечь палубную надстройку. Так мы и сделали — сожгли люки, детали кают и, наконец, добрались до палубного настила, который, по словам кочегаров, «горел великолепно». Капитан с достойным смирением принял разборку своего судна. Он оставался спокоен, пока мы не заставляли двигатель выдавать больше трех с половиной узлов. Когда показался берег Египта, лодка всплыла и повела нас к Александрии, где нас должен был встретить буксир. Сирены и гудки приветствовали нас, когда мы ковыляли в порт, а наш гигант-капитан в героической позе стоял на мостике в окружении семьи. Нам устроили торжественный прием, раненых забрали врачи, а нас после горячей ванны и смены одежды накормили великолепным обедом в одном из лучших отелей города. Затем нас развезли по частям.

Те, кто остался от 3-го Батальона, находились в Гелиополисе/Heliopolis, охраняя аэродром. Там я узнал, что капитан Бартрам и его колонна грузовиков были захвачены в плен в Аргосе все до единого, в то время как командир батальона и все командиры эскадронов вернулись в Египет, даже не заходя на Крит. Мне и тем, кто прошел «живописный маршрут», это показалось крайне несправедливым.

Реорганизация

Это был батальон в новом обличье, расположившийся в Бени-Юсефе — скоплении раскаленных на солнце палаток и хижин на канале Свитуотер примерно в двадцати милях от Каира. Когда в конце августа 1941 года мы передислоцировались из Гелиополиса, у нас сменился командир, появился новый полковой сержант-майор и новые танки. Прежний командир, полковник Келлер, перешел в штаб, передав полномочия подполковнику *Банни* Эвинсу, кавалеристу. Пэдди Хехир, служивший в 3-м КТП еще до войны, стал полковым сержант-майором вместо Тайни Уайта, попавшего в плен в Греции. Также мы получили американские легкие танки *М3 —Стюарт/Stuart*.

На кителе капитана Криспа появилась ленточка ордена *За Отличие в Службе,* врученного ему за его подвиги в Греции; он возглавил Эскадрон *С*. Я получил повышение до сержант-

майора эскадрона — теперь я носил эмблему короны на кожаном браслете — и присоединился к Эскадрону *B* под началом майора Джорджа Уизериджа (George Witheridge).

Реорганизация батальона поглощала все наше внимание. Люди, присылаемые из резерва Королевского Танкового Корпуса в Дельте, принадлежали к самым разным полкам — например, было немало бойцов из 8-го Гусарского. Их нужно было радушно принять и внушить им уверенность, что было непросто, учитывая репутацию 3-го КТП, потерявшего все танки, технику и не менее половины личного состава в обеих кампаниях, в которых он участвовал. Британская полковая система испытана временем, но она строится на вдалбливании новобранцу мысли, что именно его часть (и её традиции) — самая лучшая. Необходимость осваивать совершенно новый для всех танк помогла процессу притирки, связывая людей друг с другом.

Боб Крисп всегда утверждал, что танк *Стюарт* получил прозвище *Honey - Милашка* после замечания его водителя. Опробовав машину в пустыне, тот воскликнул: «Это просто милашка!» — и название приклеилось. Танк идеально подходил для своей первоначальной роли — разведки. Он был быстрым, с паспортной максимальной скоростью 35 миль в час, хотя на хорошем грунте мог быть и быстрее. Его авиационный звездообразный двигатель был первоклассным и требовал минимального ухода. Революционными для нас стали траки гусениц, вмонтированные в сплошные резиновые блоки. Они казались практичными, в чем нам предстояло убедиться позже. Американские инструкторы клялись в механической надежности *Милашек*, и поначалу мы были склонны с ними согласиться. Поскольку США еще не вступили в войну напрямую, танк еще не участвовал в боевых действиях, и все старожилы горячо надеялись, что простое поддержание его в рабочем состоянии уже само по себе станет достижением.

Милашки в Африке, 1941 год

Полковник Келлер в июне издал специальный приказ, отметив капрала Риббинса и рядовых Вудгейта, Парфитта, Роулинса, Кернахана и Ридпата за «мужество, решимость и преданность», проявленные при обслуживании танков в Греции, часто под ударами с воздуха. Эти самые солдаты в любой день с радостью променяли бы свои грамоты на надежную боевую машину.

По сравнению с современными британскими крейсерскими танками, *Милашка* была чуть лучше защищена, но обладала не большей огневой мощью. Ее 37-мм пушка стреляла бронебойными снарядами того же веса, что и 40-мм орудия танков *A-9, A-10, A-13, A-15* или *Матильды*. Однако для 37-мм пушки не было фугасных снарядов, так что в плане боевых

возможностей *Милашка* страдала от того же недостатка, что и его британские собратья. По правде говоря, к концу 1941 года и двухфунтовые, и 37-мм пушки уже устаревали, хотя обе могли больно бить при благоприятных обстоятельствах. Часто критикуемая позже 40-мм пушка, с которой мы так усердно тренировались в лагере *Lulworth*, неплохо показала себя в 1940 году, прошивая 30-мм броню *Pz. III* на приличном расстоянии; некоторые утверждали, что подбивали их с 1000 ярдов, хотя другие в этом сомневались. Она была весьма эффективна против итальянских *M11/39*, которые мы не рассматривали всерьез, но которые все же имели местами 30-мм броню, и могла справиться с *M13/40*, у которого кожа была толще, а пушка — больше. Весной 1941 года кто-то из высокого начальства счел *M13/40* достаточно хорошими машинами, чтобы отправить один из наших полков в бой на машинах, захваченных в Беда Фомм/Beda Fomm прошлой зимой. Этот вынужденный эксперимент больше не повторяли.

Хотя двухфунтовая пушка была адекватной в начале войны, её возможности против улучшенных вражеских танков вскоре оказались недостаточными. К середине 1941 года немцы начали выпускать сталь с поверхностной закалкой — это было похоже на глазировку керамики — что помогало дробить сплошные снаряды. Они утолщали броню и увеличивали калибр орудий. В их башни без особого труда можно было поставить более мощное вооружение, наши же поддавались переделке с огромным трудом. Усилить вооружение *Матильды*, этого тяжелобронированного медленного танка поддержки пехоты, было вовсе невозможно. Мы выжимали все из того, что имели, просто потому что выбора не было, и усердно тренировались с 37-мм пушками в пыльном лагере на дороге Каир – Файюм/Fayum, используя подбитые *панцеры* в качестве мишеней.

Пока мы занимались подготовкой, мы пытались разобраться в общей обстановке в Африке, которая резко изменилась с тех пор, как мы передали наши новые крейсерские танки 2-му КТП в Мерса-Матрухе. 14 февраля, на следующий день после формирования британской 1-й Бронетанковой Бригады для Греческой экспедиции с 3-м КТП и 4-м Батальоном Гусарского Полка в качестве её ударной силы, — первые машины *Африканского Корпуса* уже выгружались в Триполи. Немцы продолжили наращивание сил продолжалось и в марте, и через пару дней после того, как Гитлер напал на Югославию и Грецию, *Армия Западной Пустыни*, победитель Родольфо Грациани (Rodolfo Graziani) и гроза итальянцев, была быстро выбита из Ливии. Генерал Эрвин Роммель (Erwin Rommel), который до того был для разведки всего лишь именем в досье, стал фигурой, с которой приходилось считаться. Летом в 3-м КТП никто не мог точно сказать, кто именно выбил нас из Греции, но даже санитар знал, кто «где-то в чистом поле» под Дерной в апреле захватил в плен Рэда О'Коннора (Richard O'Connor) и генерала Филипа Нима (Philip Neame, 1888-1978). Именно тогда началась осада Тобрука, и она всё ещё продолжалась, когда мы получили наши *Стюарты* в конце августа. Генерал Уэйвелл (Archibald Wavell), имя которого было известно солдатам не меньше любого другого, ушёл со сцены после того, как провалились две попытки разгромить противника — операция *Brevity* в мае и операция *Battleaxe* в июне.

Любого, кто принимал участие в операции *Battleaxe*, танкисты слушали с особым вниманием. До того времени *Матильда*, точнее, пехотный танк *Mark II*, считалась почти неуязвимой для противотанковых пушек. 4-й и 7-й танковые полки в 1940 году под Аррасом изрядно напугали дивизию СС *Totenkopf* когда их считавшиеся бронебойными снаряды просто отскакивали от британских танков. То же самое происходило и с итальянцами, и когда Африканский Корпус впервые столкнулся с *Матильдами*, его пушки также не могли пробить броню толщиной до 78 мм. Военные корреспонденты окрестили *Матильду Королевой Поля Боя/Queen of the Battlefield*.

Во ходе операции *Battleaxe*, в боях у Соллума/Sollum и форта Капуццо/Capuzzo, *королева* лишилась своей короны. Немцы усилили свои позиции на перевале Халфайя и вокруг него восстановленными итальянскими артиллерийскими орудиями, всё ещё валявшимися там после ранних побед Уэйвелла, а также врытыми в грунт батареями 88-мм зенитных пушек. В то время они могли рассчитывать и на прикрытие со стороны *Люфтваффе*.

Роммель, который знал о том, насколько мощны *Матильды* из собственного опыта, полученного во Франции в 1940 году, когда он командовал 7-й Танковой Дивизией, писал, что 88-миллиметровки «…с их стволами, установленными горизонтально, над землёй, практически не было видно. Я возлагал на такое решение большие надежды…». Его оптимизм оправдался, когда Эскадрон *C* 4-го КТП уверенно пошёл в атаку и был буквально расстрелян. Лишь один его танк пережил это побоище...

С нашей стороны конкретная роль, сыгранная 88-мм пушками, была осознана не сразу, поскольку поле боя с подбитыми машинами осталось за противником, который и занимался их «уборкой». Атаку встретил колоссальный шквал огня, в создании которого свою роль сыграла и новая высокоскоростная 50-мм противотанковая пушка *Pak 38*. Низкая, легко маскируемая, она посылала свой четырёх-с-половиной фунтовый бронебойный снаряд на большую дальность. И именно дальность, на которой наносились поражения танкам, особенно нас настораживала. Было тревожно слышать оценки дистанций, с которых противник открывал огонь, — значительно более 1 000 ярдов, а порой и до 2 000 ярдов. Наше 40-мм орудие могло отправить двухфунтовый снаряд на дистанцию до 1 200 ярдов, но уже после 500 ярдов его бронепробиваемость резко падала, а точность страдала ещё сильнее. Наводчик должен был быть гением, чтобы попасть небольшим бронебойным снарядом по врытой в землю цели на расстоянии свыше 1000 ярдов. И даже в этом случае он не мог рассчитывать вывести расчёт из строя.

С *панцерами* дело обстояло иначе, хотя их репутация после боев на перевале Халфайи и операции *Battleaxe* значительно выросла. Полный масштаб понесённого ими урона было трудно оценить потому, что немцы могли эвакуировать свои повреждённые машины, оставив на поле боя лишь с десяток танковых остовов по сравнению с примерно семьюдесятью машинами, оставленными на поле боя нами. Тем не менее, даже с учётом сообщений о том, что одна из модификаций *Pz. III* теперь вооружена 50-мм пушкой, мы считали, что сможем с ними справиться. По крайней мере, мы знали, что их можно подбивать из наших 40-мм орудий.

Так продолжалась подготовка, и захваченные остовы *панцеров* на стрельбищах подвергались беспощадному «избиению» нашими *Милашками* во время учебных стрельб. Как выразился мой наводчик Джорди Рэй, бывший шахтер: «Немцы — мои любимчики. Я мог бы провести остаток войны, стреляя в них». Он был одним из лучших наводчиков в батальоне и к тому же отлично готовил.

В течение двух недель мы, сержант-майоры эскадронов, изучали методы навигации в пустыне — область, в которой, как мне казалось, мы всегда превосходили врага. Британская армия пользовалась многолетним опытом службы в Африке, тогда как в Вестфалии или Силезии песчаных дюн не так много. Самым впечатляющим в Западной пустыне было пространство. Какой бы тип ландшафта ни встречался, его всегда было в избытке. Разнообразие было бесконечным: мягкие дюны, каменистые плато, солончаки, песок с валунами, галька, мили плоских равнин, извилистые овраги-вади, возвышающиеся известняковые уступы — и почти никаких признаков того, что здесь когда-либо ступала нога человека. Если не считать реликтов войны, то за пределами Дельты встречались лишь редкие каменные пирамидки, руины глинобитных фортов, кочевья бедуинов и — еще реже — пальмы у оазиса.

Никто не мог позволить себе вольностей с этой природной средой. Днем стояла сухая изнуряющая жара, а зимой ночи были пронизывающе холодными. Хорошая шинель была бесценной частью солдатского имущества. Погода в этой глуши была непредсказуемой. Штормы налетали из ниоткуда и длились часами или днями. Внезапные ливни могли за двадцать четыре часа покрыть пустыню ковром цветов, которые увядали так же быстро. Рассвет мог быть величественным, с солнцем, укорачивающим пурпурные тени, или пробираться сквозь пелену тумана. Пейзаж, утром окутанный мглой, к полудню начинал плясать в мареве, так что невозможно было отличить верблюда от сгоревшего грузовика или куст колючки от немецкого танка *Pz. IV*.

Во время двухнедельного курса навигации с использованием довольно примитивного солнечного компаса я оценил недавно полученный нами американский джип. Джип справлялся со всеми препятствиями, когда мы заезжали в район Вади-эль-Натрун/Wadi-el-Natrun, ранее считавшийся непроходимым как для гусеничного, так и для колесного транспорта. На обратном пути мы взяли ориентир на коптский монастырь к югу от Александрии и после «плеча» в пятьдесят миль оказались всего в нескольких сотнях ярдов от цели. Проведя комфортную ночь в гостях у монахов, мы подарили им ящик лишних пайков и бутылку виски. После доброты, проявленной их собратьями в Греции, я чувствовал, что обязан им.

Лагерь *Бени-Юсеф/Beni-Yusef* был не лучшим местом для летнего отдыха, хотя и находился в виду пирамид. Мы делили его с другими полками 4-й Бронетанковой Бригады — 8-м Гусарским и 5-м Танковым, в общей сложности пыль поднимали около 160 *Милашек*. К счастью, ни Каир, ни Александрия не были слишком далеко. Бедность и грязь Каира были неописуемы. Днем город превращался в печь, его одолевали жирные серые мухи с мусорных свалок. Отбросы выбрасывались повсюду, а нормальной канализации я не видел. Всюду бродили изнывающие от безделья солдаты, которым осточертели лагеря. Офицеры заполняли столики под полосатыми зонтиками в саду кафе *Groppi*, знаменитого своими пирожными, кофе и клиентками из числа пышных египетских красавиц. В клубе *Gezira* крикетисты регистрировались в списках на участие в играх, но, чтобы выйти на поле, нужно было играть по-настоящему хорошо. Однажды в июле 1941 года я видел, как Боб Крисп выбил Уолли Хэммонда (Wally Hammond, 1903-1965, известный британский крикетист). На Ближнем Востоке тогда было немало игроков мирового уровня из ЮАР, Австралии и Англии. Вечеринки в баре *Snakepit* под игровым табло часто были лучше самой игры.

Каир был особенно хорош в вечерней прохладе. В целях светомаскировки уличные фонари покрасили синей краской, но все большие дома были ярко освещены. Немцы и итальянцы вряд ли стали бы бомбить место, где у них было столько шпионов и где большая часть населения была на их стороне. Это не было войной египтян: знание того, что король Фарук был бы рад выставить наши войска, заставляло солдат с еще большим задором распевать непристойные песни о королеве Фариде.

Как наследие британских гарнизонов в Египте, у жен многих кадровых офицеров еще оставались квартиры в Каире и Александрии. Я так и не решил для себя, хорошо это или плохо. Другие переехали в Дурбан, где мужья могли навещать их время от времени — если позволяли *панцеры*. Лично я пользовался случаем осмотреть все достопримечательности и принимал любые приглашения на вечеринки. Никто не знал, как долго продлятся хорошие времена. Нам дали *Милашек* не для прогулок. Настанет день, когда нам придется перегнать их на ту сторону ржавой ленты колючей проволоки высотой в семь футов и вдвое большей толщины, которую маршал Грациани приказал протянуть, чтобы обозначить границу между африканской империей Муссолини и Египтом. За ней, за аккуратными итальянскими поселениями на побережье, находился Тобрук и осажденная 70-я Дивизия, сменившая 9-ю австралийскую.

Между ними и нами стояли немцы и итальянцы. По общему мнению, сложившемуся у танкистов, нам предстояло отправиться искать их, когда мы будем полностью готовы. Как, когда и где — решало высшее начальство, недостатка в котором не наблюдалось (Штаб стал быстрорастущей отраслью). Уэйвелл поменялся местами с сэром Клодом Окинлеком (Claude Auchunleck), главнокомандующим в Индии. *Ок*, как его называли газеты, принял ответственность за Ближний Восток, включая места, которые нас не интересовали — Ирак, Мальту и Палестину. Прежние войсковые соединения Западной пустыни были низведены до уровня корпуса — одного из двух формируемых. Оно получило номер 13I, другое стало 30-м Корпусом. Для непосредственного управления предстоящим сражением в сентябре 1941 года был создан новый штаб — 8-я Армия. Возглавить её прибыл генерал-лейтенант сэр Алан Каннингем (Alan Cunningham), прославившийся победами над итальянцами в Восточной Африке. Теперь Черчилль мог говорить Окинлеку, чего он хочет, *Ок* передавал это Каннингему, тот — командирам корпусов, те — дивизий, и так далее. К тому моменту,

когда приказ доходил до рядового *Джонса*, всё сводилось к двум словам: «Водитель, вперед...».

Назначения и отставки наверху оставляли людей 3-го КТП равнодушными. Тот факт, что мы находились в 30-м Корпусе, мало что значил, и я сомневаюсь, что кто-то из рядовых знал или беспокоился, что командует им генерал-лейтенант сэр Уиллоуби Норри (Willowby Norrie). Опять же, благодаря Би-Би-Си, большинство солдат знали, что 7-й Танковой Дивизией командует *Стрейфер* Готт (William Gott), поскольку в каждом танке была рация, и прием был отличный. Готт был весьма популярен в прессе. Бригадный генерал Алек Гейтхаус (Alexander Hugh Gatehouse, 1895-1964), возглавлявший 4-ю Бронетанковую Бригаду, был известен некоторым кадровым танкистам еще по довоенным учениям в Солсбери, но и он для экипажей был фигурой далекой. Настоящий интерес наводчиков, водителей и радистов вызывали люди, от которых напрямую зависели их шансы выжить. В конечном счете это было в руках Гейтхауса, Норри и Каннингема, но с сокращением дистанции жизнь и смерть зависели непосредственно от (а) командира танка, (б) командира взвода и (в) командира эскадрона. Другие командиры эскадронов были не нашей проблемой. Командир полка вызывал интерес лишь в той мере, в какой его можно было обвинить в том, что он втянул нас в неприятности или вытащил из них.

Tank Commander: From the Fall of France to the Defeat of Germany: The Memoirs of Bill Close. 2013

Перевод – Владимир Крупник с использованием ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.orgник